

СВЯТОЙ ГРЕШНИК

*Запретная любовь
попаданица*

СВЯТОЙ ГРЕШНИК НИКА МУР

НИКА МУР

Ника Мур

**Святой грешник. Запретная
любовь попаданца**

«Литнет»

2026

Мур Н.

Святой грешник. Запретная любовь попаданца / Н. Мур —
«Литнет», 2026

В прошлой жизни у меня было всё: деньги, власть и женщины. Авиакатастрофа перечеркнула всё. Теперь я — Архиепископ в суровом средневековье. Здесь нет интернета, зато есть интриги, аскеза и... она. Женщина, чей тихий плач в исповедальне разбудил во мне зверя. Её муж — знатный лорд, лицемер и тиран, который изменяет ей и поднимает на неё руку. Он думает, что управы на него нет. Глупец. Он не знает, что в теле «святого отца» теперь живет циничный бизнесмен из XXI века. Я уничтожу его карьеру. Я отберу у него всё. Я научу её быть сильной и свободной. Но что делать с чувствами, которые запретны для моего сана? Я готов нарушить любые обеты, чтобы назвать её своей. Даже если для этого придется пойти против королей. В тексте есть: Властный герой-попаданец (бывший бизнесмен, который наводит свои порядки) Нежная героиня (которая учится давать отпор) Запретная любовь (священник и замужняя прихожанка — искры летят!) Наказание изменника (жестко, справедливо, до скрежета зубов) Бытовое фэнтези (героиня поднимает бизнес с колен)♥# ХЭ (Счастливый Эпилог обязателен!)

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3(Макс / Кассиан)	12
Глава 4(Макс/ Кассиан)	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава7 (Макс / Кассиан)	26
Глава 8(Элинор)	29
Глава 9	32
Глава 10(Макс / Кассиан)	35
Глава 11	38
Глава 12	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

Последняя свеча в бронзовом шандале догорала, истекая мутным воском, похожим на застывшие слезы. В комнате пахло остывшей золой и лавандой, которой горничные перекладывали белье, но даже этот запах не мог перебить сырость, ползущую от каменных стен. Осень в этом году выдалась ранней и злой, пробирающей до костей, даже если ты сидишь в бархатном кресле самого богатого дома в округе.

Я снова уколола палец.

Крошечная капля крови, яркая, как рубин на перстне архиепископа, набухла на подушечке и сорвалась вниз, расплываясь темным пятном на белоснежной вышивке. Пяльцы с треском упали на колени. Я смотрела на испорченную ткань — шелк, который стоил дороже, чем годовое жалованье моего конюха, — и не чувствовала ничего, кроме тупой, звенящей пустоты.

— Терпение, Элинор, — прошептала я сама себе, копируя интонации покойной матушки. — Добродетельная жена есть сосуд терпения. Она ждет, она молчит, она хранит очаг.

Слова привычно царапнули горло, но не принесли облегчения. Сегодня они звучали не как молитва, а как приговор.

На каминной полке тяжелые напольные часы с золоченым маятником отбивали секунды. Тик-так. Тик-так. Каждый удар был похож на падение камня в глубокий колодец. Три часа ночи. Или уже четыре? Темнота за окном была плотной, непроглядной, словно кто-то замазал стекла чернилами. Дом спал. Спали слуги в людской, спали кухонные мальчишки у теплых печей, спали даже дворовые псы. Не спала только я. Хозяйка этого поместья. Законная супруга лорда Роланда.

Я зябко повела плечами, плотнее запахивая домашнее платье из тяжелой шерсти. Камин давно погас, оставив после себя лишь горстку серых углей, подернутых пеплом. Звать служанку, чтобы раздуть огонь, было нельзя. Роланд ненавидел, когда прислуга видит, что я жду его до рассвета. «Не унижай меня своей собачьей преданностью на людях», — говорил он, кривя красивые губы. Поэтому я мерзла. Сидела в ледяной тишине, выпрямив спину до хруста в позвоночнике, и ждала.

Где-то внизу, в огромном пустом холле, хлопнула тяжелая дубовая дверь.

Звук был резким, чужеродным, как выстрел. Я вздрогнула всем телом, хотя ждала этого момента последние пять часов. Сердце, до этого бившееся ровно и глухо, вдруг сорвалось в галоп, ударяясь о ребра. Вернулся.

Я прислушалась. Тяжелые сапоги грохотали по каменным ступеням лестницы. Шаг был неровным, сбивающимся. Он оступался, шаркал, потом снова тяжело наступал на пятку. Человек, который шел к моей спальне, не скрывался. Ему было плевать, разбудит ли он дом, напугает ли жену. Он был хозяином.

Я встала, быстрым движением спрятала испорченную вышивку в корзину для рукоделия и одернула складки платья. Подошла к зеркалу, висящему в простенке. Из глубины амальгамы на меня смотрела бледная тень: темные волосы, убранные в строгую косу, глаза, провалившиеся от усталости, плотно сжатые губы. Никакой красоты, только серость и страх.

— Улыбнись, — приказала я отражению. — Ты рада мужу. Ты должна быть рада.

Губы дернулись в жалкой гримасе.

Дверь распахнулась без стука, ударившись ручкой о стену. Сквозняк ворвался в комнату, заставив пламя свечи заметаться, отбрасывая на стены уродливые, пляшущие тени.

Лорд Роланд стоял на пороге.

Он был красив той порочной, тяжелой красотой, от которой у юных девиц перехватывает дыхание, а у опытных женщин холодеет внутри. Высокий, широкоплечий, с гривой светлых волос, сейчас растрепанных ветром и ночными похождениями. Его дорогой бархатный камзол

цвета бургундского вина был расстегнут почти до пупа, открывая тонкую, пропитанную потом сорочку. Шейный платок сбилсся набок.

Он опирался плечом о косяк, пытаясь сохранить равновесие, и мутным взглядом шарил по комнате, пока не нашел меня.

— А, — выдохнул он, и в этом звуке было столько презрения, что мне захотелось закрыться руками. — Не спишь. Конечно. Сидишь тут, как сова на ветке.

Он оттолкнулся от косяка и шагнул внутрь. С каждым его шагом комната наполнялась запахами. Сначала до меня долетел тяжелый, кислый дух перебродившего вина — того самого, крепкого и дешевого, которое подают в игорных домах на окраине. К нему примешивался запах табачного дыма, сырой кожи и конского пота.

Но когда он подошел ближе, чтобы бросить на кресло перчатки, меня накрыло другой волной.

Сладкой. Приторной. Тошнотворной.

Запах дешевой розовой воды. Вульгарный аромат, которым поливают себя женщины, продающие любовь за пару медяков в переулках Нижнего города. Или вдовы разорившихся купцов, пытающиеся казаться моложе. Этот запах вьелся в бархат его камзола, пропитал волосы, остался на коже. Он был таким густым, что казалось, его можно потрогать.

К горлу подступил ком. Я знала этот запах. Роланд приносил его домой уже третий раз за месяц.

— Доброй ночи, милорд, — мой голос прозвучал сухо, безжизненно, словно шелест сухой листвы. — Я велела оставить вам ужин в малой столовой, но он, должно быть, уже остыл. Приказать подогреть?

Роланд остановился посреди комнаты, покачиваясь с пятки на носок. Его голубые глаза, обычно ясные и холодные, сейчас были налиты кровью. Он смотрел на меня, как смотрят на застарелое пятно на стене — с раздражением и безразличием.

— Ужин? — он усмехнулся, и эта усмешка исказила его лицо. — Думаешь, я голоден до твоей пресной стряпни? Я сыт, Элинор. Сыт по горло.

Он шагнул ко мне, и я, повинувшись годами вбитому рефлексу, протянула руку, чтобы помочь ему снять тяжелый камзол. Это был ритуал. Жена встречает мужа, жена облегчает его ношу.

Мои пальцы коснулись бархата на его плечах. Ткань была влажной от ночной сырости. Я начала стягивать рукав, стараясь не дышать, чтобы не чувствовать этот удушающий розовый смрад, но Роланд вдруг дернулся, вырываясь.

— Оставь! — рявкнул он. — У тебя руки ледяные, как у покойницы. Ты можешь хоть иногда быть живой? Хотя иногда дать мне тепла, а не этот могильный холод?

Я отступила на шаг, прижимая руки к груди. Тепло? Он требовал от меня тепла, явившись под утро, пропитанный чужими духами и вином?

Внутри меня, там, где обычно жила покорность, вдруг что-то дрогнуло. Тонкая, натянутая струна лопнула. Возможно, это была усталость. Или холод. Или вид его распухших, влажных губ, на которых, казалось, еще блестела чужая помада.

— Милорд, — слова вырвались сами, прежде чем я успела прикусить язык. — Уже почти рассвет. Часы пробили четыре. Где вы были?

Тишина, повисшая в комнате, была страшнее любого крика.

Роланд замер. Он медленно, очень медленно повернул голову. Пьяная муть в его глазах на секунду рассеялась, уступив место ледяному, трезвому бешенству.

— Что ты сказала? — спросил он тихо. Слишком тихо.

Я знала, что должна замолчать. Должна опустить глаза, пролепетать извинения, сказать, что я просто волновалась. Так учила мать. Так учил священник на исповеди. «Гнев мужа гаси смирением».

Но я смотрела на пятно чужой пудры на лацкане его камзола, и смирение не приходило. — Я спросила, где вы были, Роланд, — повторила я, и мой голос окреп, наливаясь сталью, которой я в себе не подозревала. — Вы пахнете борделем. От вас разит дешевой шлюхой так, что в комнате нечем дышать. Вы...

Договорить я не успела.

Движение было быстрым, размытым. Я не увидела замаха, только почувствовала, как воздух рассекла его ладонь.

Удар пришелся наотмашь. Хлесткий, обжигающий, унижительный. Моя голова мотнулась в сторону, шпильки, удерживающие тяжелую косу, впились в кожу. В ушах зазвенело, словно кто-то ударил в огромный медный колокол прямо над головой.

Я пошатнулась, хватаясь за спинку кресла, чтобы не упасть. Щека вспыхнула огнем, который мгновенно разлился по всему лицу. Во рту появился металлический привкус крови — я прикусила губу.

Роланд стоял надо мной, тяжело дыша. Его кулаки сжимались и разжимались. На лице не было ни капли раскаяния — только злое удовлетворение.

— Ты забываешься, Элинора, — выплюнул он. — Ты забыла, кто ты такая. Ты — никто. Пустое место, которое я ввел в свой дом, дал свое имя. Ты смеешь открывать рот? Смеешь допрашивать меня? Я буду там, где пожелаю. И с кем пожелаю. А твое дело — ждать и молчать.

Он сделал шаг ко мне, нависая, давя своим ростом и физической мощью.

— Ты бесплодная, холодная рыба, — шипел он мне в лицо, обдавая перегаром. — Думаешь, мне приятно возвращаться сюда? В этот склеп? Да любая портовая девка дает мне больше радости за час, чем ты за пять лет брака. Скажи спасибо, что я вообще прихожу ночевать.

Каждое слово было как удар хлыстом. Но, странное дело, я больше не чувствовала боли. Словно пощечина выбила из меня не только равновесие, но и страх. Я стояла, вцепившись побелевшими пальцами в бархатную обивку кресла, и смотрела на него.

Я видела не мужа, которого должна почитать. Я видела жалкого, опустившегося человека. Его лицо было одутловатым, под глазами залегли мешки, а на шее, там, где ворот сорочки был расстегнут, я заметила багровый след — засос, который он даже не потрудился скрыть.

— Вон, — бросил он, отворачиваясь. Ему стало скучно. Вспышка ярости прошла, уступив место пьяной сонливости. — Убирайся с глаз. Ты меня утомляешь.

Он стянул с себя камзол и швырнул его прямо на пол, на ковер. Затем, не разуваясь, рухнул на широкую супружескую кровать, сминая покрывало грязными сапогами.

Я стояла неподвижно еще минуту. Смотрела, как он ворочается, устраиваясь поудобнее, как его дыхание выравнивается, переходя в тяжелый, свистящий храп. Он уснул мгновенно, как животное, нажравшееся до отвала. Ему было все равно, что я чувствую. Ему было плевать, что у меня на лице горит след от его руки. Для него я была мебелью. Удобной, молчаливой мебелью, которая иногда смеет скрипеть.

Медленно, стараясь не шуметь, я отпустила спинку кресла. Ноги были ватными, но я заставила себя идти. Не к выходу. К зеркалу.

Я зажгла еще одну свечу от догорающего огарка и поднесла её к лицу.

Отражение смотрело на меня чужими глазами. На левой щеке, от скулы до подбородка, расцветало пунцовое пятно. Четыре пальца. Клеймо собственности. Завтра оно потемнеет, нальется синевой. Придется пудрить лицо толстым слоем белил, чтобы слуги не шептались по углам. Или сказать, что я упала? Ударилась о дверной косяк? Сколько раз я уже лгала, прикрывая его жестокость?

Я провела кончиками пальцев по горячей коже. Больно. Но эта боль была какой-то... отрезвляющей.

Всю жизнь меня учили, что мужчина — это наместник Светлейшего в семье. Что его гнев праведен, а его воля — закон. «Если муж бьет, значит, жена виновата», — шептали тетушки. «Значит, не угодила, не досмотрела, не стерпела».

Я посмотрела на храпящего на кровати Роланда. Грязные сапоги на шелковом покрывале. Разинутый рот. Запах перегара, заполняющий мою спальню.

В чем я виновата? В том, что ждала? В том, что хранила верность? В том, что пыталась сберечь остатки нашего состояния, которое он проматывал за карточными столами?

Слезы, которые обычно текли сами собой после таких сцен, сегодня высохли, так и не родившись. Внутри меня вместо привычной влажной горечи образовалась сухая, холодная пустыня. Стержень покорности, на котором держалась моя жизнь, хрустнул и переломился.

Я погасила свечу, погружая комнату в предрассветную тьму.

Я не останусь здесь. Не сейчас. Мне нужно выйти отсюда, иначе этот воздух, отравленный розовой водой и ложью, задушит меня.

Я тихо прошла в гардеробную. Руки не дрожали, когда я доставала простую темную накидку с капюшоном. Я действовала механически, четко, как солдат перед боем.

Завтра воскресенье. День Великой службы. Все знатные семьи города соберутся в Кафедральном соборе, чтобы продемонстрировать свое благочестие. Роланд будет спать до обеда, а потом, страдая от похмелья, тоже потащится туда — жертвовать золото и улыбаться епископам.

Но я буду там раньше.

Я пойду в Храм не ради службы. Я пойду к Светлейшему. Я задам Ему вопрос, который боялась задать все эти годы. За что? Почему добродетель наказывается, а порок процветает? И если Он, Всемогущий и Всеблагий, не ответит мне... если Он снова промолчит...

Тогда я сама найду способ себя защитить. Я не знаю как. Я не знаю, хватит ли у меня сил. Но я больше не буду той Элиной, которая подает полотенце и подставляет щеку.

Я бросила последний взгляд на спящего мужа. В темноте он казался просто грудой тряпья.

— Спи, милорд, — прошептала я одними губами. — Спи крепко. Потому что твоя покорная тень сегодня умерла.

Я бесшумно выскользнула за дверь, оставляя за спиной запах розовой воды и руины своего брака, и растворилась в коридорах спящего дома. Путь мой лежал в Собор. Туда, где, как говорили, исцеляются души. Или окончательно разбиваются сердца. Но сначала я должна привести себя в порядок, скрыть следы на лице... Я толкнула дверь гардеробной комнаты и вошла внутрь.

Глава 2

Серый рассвет просачивался сквозь щели в тяжелых шторах, похожий на грязную воду. Я не смыкала глаз. Все те часы, что Роланд сотрясал стены спальни тяжелым, неровным храпом, я сидела перед зеркалом в своей гардеробной. Время превратилось в густую, липкую субстанцию. Я смотрела, как синяк на моей щеке наливается тяжелой, свинцовой синевой, проступая сквозь бледную кожу отчетливым клеймом.

В нашем мире у женщины не так много оружия. И самое надежное из них — это белила.

Я достала костяную баночку с дорогой свинцовой пудрой. Пальцы едва заметно дрожали, когда я смешивала порошок с каплей розового масла. Этот запах — розы — теперь вызывал у меня спазм в горле, напоминая о ночном визите мужа и его вульгарной спутнице. Но я заставила себя работать. Слой за слоем, аккуратно, почти каллиграфически, я накладывала маску. Холодная, вязкая каша ложилась на горящую кожу, запечатывая под собой мою боль, мой позор и мои страхи.

Когда с макияжем было покончено, я вдела в уши тяжелые жемчужные серьги и выбрала самое строгое платье из темно-изумрудного бархата. Высокий ворот-стойка, отделанный жестким кружевом, подпирал подбородок, заставляя держать голову прямо. Я не могла позволить себе опустить взгляд. Не сегодня.

Снизу донеслись звуки просыпающегося дома: хлопанье дверей, шарканье подошв слуг по каменным плитам, звон посуды. Ритуал выходного дня начался.

Я спустилась по парадной лестнице ровно в тот момент, когда часы в холле пробили девять.

Роланд уже был там. Глядя на него, трудно было поверить, что несколько часов назад он едва держался на ногах, изрыгая ругательства. Мой муж обладал поразительной способностью восставать из пепла своих попок. Его камердинер, старый и молчаливый Берт, сотворил чудо: волосы Роланда были идеально уложены, лицо выбрито до синева, а в глазах, хоть и подернутых легкой краснотой, сияла фальшивая уверенность. Он стоял у распахнутых дверей, залитых холодным осенним солнцем, и его камзол из золотистой парчи сиял так ярко, что резал глаза.

Рядом с ним стоял отец бенедиктинец из местного прихода — низенький, суетливый человечек в потертой рясе.

— ...и я настаиваю, святой отец, — голос Роланда был густым, звучным, поставленным для большой аудитории. — В это смутное время мы, дворянство, должны быть опорой для нуждающихся. Здесь сорок золотых. Пусть сироты святого Лазаря знают, что о них молятся.

Он демонстративно опустил тяжелый кожаный кошель в руки священника. Монеты глухо звякнули. Бенедиктинец засыпал мужа благодарностями, чуть ли не целуя ему руки. Роланд благосклонно кивал, его лицо сияло благочестием и щедростью.

Я остановилась на последней ступени, чувствуя, как под бархатом платья кожа покрывается ледяным потом. Эта сцена была настолько отвратительной в своей лживости, что мне захотелось закричать. Это золото не было его заслугой — это были остатки моих приданных земель, которые он еще не успел спустить за карточным столом. И он отдавал их, чтобы купить себе репутацию святого, пока его жена прятала синяки под слоем ядовитого свинца.

Роланд обернулся, заметив меня. На мгновение — лишь на краткий миг — его глаза встретились с моими. В этом взгляде не было раскаяния. Только холодная проверка: хорошо ли я замазала след его удара? Не собираюсь ли я испортить его спектакль?

Убедившись, что я выгляжу как подобает идеальной супруге, он лучезарно улыбнулся.

— А вот и моя прекрасная Элинора, — пропел он, протягивая мне руку. — Святой отец, посмотрите на эту кроткую женщину. Всю ночь она провела в молитвах и бдении, я едва уго-

ворил её прилечь на пару часов. Она так переживает о чистоте наших душ, что забывает о собственном отдыхе.

Священник умилительно вздохнул:

— Истинная жемчужина в короне мужа. Благословенны вы, милорд.

Я вложила свои пальцы в его ладонь. Она была горячей и влажной. От Роланда пахло дорогим одеколоном, мятой и чем-то аптечным — вероятно, настойкой, которой он приводил себя в чувство. Он сжал мою кисть чуть сильнее, чем требовали приличия. Это было предупреждение.

— Мы едем в Кафедральный собор, Элинора? — спросил он, и в его голосе прозвучал приказ, замаскированный под вопрос. — Великая служба начнется через час. Весь свет города будет там.

— Разумеется, милорд, — ответила я, удивляясь тому, насколько ровным остался мой голос. — Я не пропущу это событие.

Карета ждала у крыльца. Путь до центральной площади занял сорок минут — сорок минут пытки в закрытом пространстве, где Роланд, не переставая, разглагольствовал о политике, о ценах на зерно и о том, что епископу пора бы обновить витражи в восточном крыле. Он вел себя так, будто ночного инцидента не существовало. Словно он не врывался в спальню пьяным животным.

Я смотрела в окно на серые улицы. Город бурлил. Воскресенье было единственным днем, когда знать и беднота сталкивались в дверях храмов, разделенные лишь толщиной кошельков и глубиной лицемерия.

Кафедральный собор возвышался над площадью каменным исполином. Грозные шпили протыкали низкое небо, а статуи святых на фасаде казались застывшими судьями. Когда мы вышли из кареты, я на мгновение зажмурилась от яркого света. Вокруг зашелестели шелка и зазвенели шпоры. Роланд тут же включился в игру: поклоны, светские улыбки, короткие комплименты женам баронов.

— Иди, — шепнул он мне, едва приоткрыв рот, пока раскланивался с каким-то советником. — Займи наше место. Я задержусь, нужно перекинуться парой слов с казначеем. И поправь вуаль, ты бледновата.

Я не стала спорить. Напротив, я была рада избавиться от его присутствия.

Внутри собора царил величественный, холодный полумрак. Воздух был густым от запаха ладана, старого дерева и восковых свечей. Огромные колонны уходили вверх, теряясь в тени сводов. Хор еще не начал петь, и в тишине храма каждое слово, произнесенное шепотом, казалось святотатством.

Я прошла мимо центрального нефа, где уже рассаживались прихожане. Мне не нужна была служба. Мне не нужны были пышные проповеди о смирении, которые я слышала сотни раз.

Мои ноги сами понесли меня в северное крыло — туда, где за тяжелыми бархатными шторами скрывались кабинки для исповеди. Здесь не было очередей. Эти исповедальни предназначались для тех, чьи грехи были слишком дорогими, чтобы обсуждать их на глазах у толпы.

Я выбрала самую дальнюю кабинку, выполненную из темного дуба и украшенную резьбой в виде виноградной лозы. Она всегда казалась мне самой надежной. Здесь обычно принимал старый каноник Томас — человек, который почти ничего не слышал и на все жалобы советовал прочесть трижды «Светлейший, помилуй».

Я вошла в тесное пространство. Дверь за мной закрылась с глухим стуком, отсекая шум собора. Я опустилась на жесткую скамью для коленопреклонения. Дерево было ледяным. В темноте кабинки пахло пылью и чем-то горьким.

Я прижалась лбом к прохладной решетке, разделяющей пространство. Мои губы беззвучно шевелились, повторяя начало молитвы, но слова застревали в горле. Как признаться в том, что я ненавижу своего мужа? Как сказать, что я сомневаюсь в милосердии Бога, который позволяет Роланду сиять на площади, пока я гнию заживо?

Я набрала воздуха в грудь, готовясь услышать привычное старческое побряхтывание с той стороны.

— Благословите меня, отец, ибо я согрешила... — начала я шепотом, который дрожал, как пламя свечи на сквозняке.

Я ждала. Ждала долгой паузы, шуршания четок или запаха нюхательного табака, который всегда носил с собой отец Томас.

Но вместо этого за решеткой раздался звук, который заставил меня замереть.

Это был глубокий, резкий выдох — звук человека, который доведен до предела своего терпения. Затем послышался тяжелый шорох дорогой, плотной ткани — так шуршит только тяжелый шелк сутаны высшего духовенства.

С той стороны не пахло ладаном. Там пахло сандалом, горьким кофе и... силой. Это была странная, пугающая аура, лишенная старческой благодати. Она давила сквозь деревянную перегородку, заставляя волосы на моих руках встать дыбом.

Деревянная заслонка на решетке отодвинулась с резким, сухим щелчком.

Я не видела его лица, только смутную тень и очертания широких плеч, которые никак не могли принадлежать хилому отцу Томасу. Человек по ту сторону молчал. Он не произнес дежурного приветствия. Он просто ждал, и я физически ощущала его взгляд на себе — пронизательный, циничный и абсолютно не похожий на взгляд священника.

— Я слушаю, — произнес голос.

Низкий, вибрирующий баритон. В нем не было ни капли сочувствия, но была такая власть, что я невольно выпрямилась. Этот голос принадлежал мужчине, который привык отдавать приказы, а не отпускать грехи.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Кто это? Почему он здесь?

— Я... я пришла покаяться в гневе, — выдавила я, чувствуя, как белила на моей щеке стягивают кожу, превращая лицо в маску. — В гневе на своего господина. И в унынии, которое пожирает мою душу.

За решеткой снова воцарилась тишина. Я слышала только его ровное, спокойное дыхание. А затем раздался звук, который окончательно выбил почву у меня из-под ног.

Священник усмехнулся. Коротко, горько и совершенно по-мирски.

— Уныние — это скучно, — бросил он, и в его интонации я услышала странный акцент, которого не было у жителей нашего города. — Расскажите лучше о гневе. Кого именно вы хотите проклясть сегодня, дочь моя?

Я задохнулась. Это было не просто нарушение ритуала. Это была ересь. Но именно это — этот вызывающий, живой тон — заставило меня забыть о осторожности.

— Я хочу проклясть весь этот мир, — прошептала я, прижимаясь лицом к холодным прутьям. — И человека, который считает меня своей вещью.

Я не знала, что в этот момент за стеной кабинки сидел мужчина, который еще неделю назад управлял корпорациями и летал на частных самолетах. Мужчина, который сейчас смотрел на мои пальцы, вцепившиеся в решетку, и пытался понять, как он оказался в этом средневековом аду.

Но в одном я была права: моя жизнь изменилась в ту самую секунду, когда он открыл рот.

Глава 3(Макс / Кассиан)

В кабинке для исповеди пахло пылью, старым лаком и чужим страхом. Этот запах забивался в ноздри, мешая дышать, но хуже всего была решетка. Деревянные переплетения дробили лицо женщины на той стороне на мелкие, неровные фрагменты, превращая её в мозаику из бледной кожи и дрожащих губ.

— Я хочу проклясть весь этот мир, — прошептала она. — И человека, который считает меня своей вещью.

Голос её — ломкий, пропитанный безнадежностью и внезапно прорезавшейся яростью — ударил меня под дых. В этом звуке было что-то такое, от чего в затылке предательски застреляло. Знакомый ритм. Знакомая агония.

На мгновение реальность поплыла. Стены тесной кабинки раздвинулись, тяжелый запах ладана сменился резкой вонью горелого пластика и авиационного керосина.

Турбулентность. Слишком сильная для «Гольфстрима».

Я помнил, как лед в бокале с виски звякнул о хрусталь, прежде чем стакан вырвало из моих пальцев. Помнил белое лицо стюарда, вцепившегося в переборку. Помнил, как мой личный помощник пытался что-то крикнуть, но звук утонул в реве разрываемого металла. А потом был удар. Вкус крови, холод и тишина. Абсолютная, звенящая тишина, в которой не было места ни моим миллионам, ни моим планам на слияние компаний, ни моей жизни.

Я моргнул, возвращаясь в «здесь и сейчас». Пальцы, скрытые широким рукавом, невольно сжали тяжелые четки. Гладкое дерево впилося в кожу.

Спокойно, Макс. Ты не в самолете. Ты в церкви. И ты здесь главный.

Все это началось пять дней назад. Или вечность назад — в этом мире время тянулось медленно, как патока.

Пробуждение было похоже на выход из затяжного похмелья, умноженного на сотрясение мозга. Первым, что я почувствовал, была боль. Она пульсировала в висках тяжелыми, коваными молотами. Вторым пришел холод. Не тот освежающий холод кондиционера, а промозглая, костяная сырость, которая бывает только в помещениях, построенных из неотесанного камня еще до того, как люди научились нормально обогревать жилье.

Я попытался пошевелить рукой, чтобы нащупать край одеяла, но рука показалась чужой — слишком тяжелой, неповоротливой. Вместо мягкого египетского хлопка пальцы наткнулись на что-то колючее и жесткое.

— Ваше Высокопреосвященство! О, милость Единого! Свершилось!

Голос был тонким, восторженным и до одури громким. Я с трудом разлепил веки. Потолок надо мной был высоченным, сводчатым, украшенным потемневшими от времени фресками, на которых какие-то бородатые мужики в простынях с энтузиазмом резали друг друга.

— Выключи свет... — прохрипел я. Горло саднило так, словно я неделю жевал битое стекло.

Над кроватью нависло лицо. Молодое, бледное, с фанатичным блеском в глазах и нелепой тонзурой на макушке. Парень выглядел так, будто только что увидел воскрешение Лазаря в прямом эфире.

— Светлейший услышал наши молитвы! — запричитал он, падая на колени прямо у кровати. — Три дня! Три дня вы были в лапах лихорадки, монсеньор Кассиан! Лекари уже готовили погребальный саван, но я знал... я верил!

Я приподнялся на локтях, игнорируя тошноту. Тело слушалось неохотно. Оно было крупным, мускулистым, но сейчас совершенно обессиленным. Я посмотрел на свои руки. Крупные

ладони, длинные пальцы, кожа на которых была подозрительно чистой и гладкой для средневековья, но явно не принадлежала мне.

На безымянном пальце правой руки красовался массивный перстень. Тяжелое золото, грубая ковка и огромный рубин размером с хорошую сливу. Камень был мутным, цвета запекшейся крови. Он так сильно сдавливал палец, что кожа вокруг покраснела.

— Кто ты? — спросил я, глядя на парня в рясе.

Тот замер, его рот смешно приоткрылся.

— Игнатий, ваш верный секретарь, монсеньор... Вы... вы не узнаете меня?

— Голова болит, — я прижал ладонь к виску. Кожа была горячей. — Память как в тумане. Рассказывай. Все. Где мы, кто я и какой сейчас год.

Игнатий запричитал снова, перемежая историческую справку молитвами и славословиями.

Из его сумбурного потока слов я вычленил главное. Меня звали Кассиан. Мне было сорок лет. Я был Архиепископом, главой столичной епархии и, по сути, вторым человеком в государстве после короля. А может, и первым — судя по тому, как Игнатий понижал голос при упоминании монарха.

Мир назывался как-то заковыристо, но суть была ясна: классическое средневековье с сильным религиозным уклоном. Местная церковь называлась «Орденом Единого Света» и обладала властью, о которой современные корпорации могли только мечтать. У них были свои земли, свои суды, своя армия и, что самое важное, монополия на «спасение душ».

Поздравляю, Макс, — подумал я, откидываясь на жесткую подушку. — В прошлой жизни ты вытаскивал из задницы убыточные авиакомпании и агрохолдинги. Теперь у тебя в управлении корпорация «Вечность». И, кажется, в ней чертовски плохой аудит.

— Ваше Высокопреосвященство, вам нужно подкрепиться, — Игнатий засуетился, поднося к моей постели тяжелый кубок. — Отвар из целебных трав и меда. Лекарь сказал...

— Помоги мне встать, — перебил я его.

— Но монсеньор, вы слишком слабы!

— Встать, — повторил я, вложив в это слово столько стали, сколько обычно использовал на совете директоров перед массовым сокращением штата.

Игнатий вздрогнул. В его глазах промелькнул испуг, смешанный с обожанием. Он послушно подставил плечо.

Я спустил ноги с кровати. Пол был каменным и ледяным, но это помогло окончательно прийти в себя. На мне была длинная рубаха из тонкого, но колючего полотна. Игнатий набросил мне на плечи тяжелую шерстяную мантию, под весом которой я чуть не сел обратно.

В комнате было сумрачно. Огромные окна со стрельчатыми арками пропускали мало света — стекла были мутными, свинцовыми. В углах колыхались тяжелые гобелены, изображающие сцены мученичества. Воздух застоялся, в нем пахло гарью от свечей, старым пергаментом и какой-то аптечной кислятиной.

Я доковылял до высокого зеркала в серебряной раме, стоявшего в углу.

Зеркало было неровным, давало искажение, но того, что я увидел, хватило для шока.

На меня смотрел мужчина в самом расцвете сил. Лет сорок, может, чуть больше. Лицо — резкое, породистое, с высокими скулами и прямым хищным носом. Темные волосы с серебристой проседью на висках были коротко подстрижены — видимо, пока я был в беспамятстве, их привели в порядок. Под глазами залегли тени, но взгляд...

Я всмотрелся в свои новые глаза. Кассиан, судя по всему, был человеком волевым, но в его облике всегда присутствовала та мягкая елейность, которая свойственна профессиональным святошам. Теперь её не было. Мой собственный взгляд — холодный, расчетливый, взгляд человека, который видит мир как шахматную доску, — превратил лицо Архиепископа в маску опасного хищника.

Я провел ладонью по щетине на подбородке.

— Неплохо, — прошептал я. Голос тоже изменился. Стал ниже, обрел богатые грудные обертоны. Таким голосом хорошо читать проповеди... или подписывать смертные приговоры.

— Монсеньор? — Игнатий замер за моей спиной, сжимая в руках четки.

— Зеркало не врет, Игнатий. Я действительно выгляжу как человек, который собрался умирать?

— О нет, Ваше Высокопреосвященство! — парень затряс головой. — Вы выглядите... иначе. Словно сам Свет наполнил вас новой силой. Ваши глаза... они сияют холодным пламенем.

Это не свет, малыш, — подумал я. — Это адреналин и жажда реванша.

Я повернулся и медленно пошел по комнате, привыкая к весу тела и длинной одежде. Каждый шаг отзывался болью, но я не позволял себе морщиться.

Мой взгляд упал на массивный дубовый стол, заваленный свитками и бумагами. Рядом стоял тяжелый сундук, окованный железом.

— Что это? — я указал на стол.

— Отчеты из провинций, монсеньор. Прощения о помиловании, жалобы на налоги, списки пожертвований... Вы не касались их неделю.

Я подошел ближе и взял верхний лист. Пергамент был грубым, почерк — витиеватым и трудночитаемым. Но цифры... цифры везде одинаковы. Я быстро пробежал глазами по колонке. Математика была примитивной, но масштабы впечатляли.

Десятина с земель. Плата за отпущение грехов. Доля от королевских таможен.

— Игнатий, — позвал я, не отрываясь от бумаги. — У нас тут, кажется, бардак. Почему в западном приделе поступления упали на тридцать процентов, хотя урожай в этом году был отменный?

Секретарь побледнел.

— Я... я не знаю, монсеньор. Брат Томас говорил, что паства обеднела из-за мора...

— Мор был в позапрошлом году, — отрезал я, вспоминая обрывки информации из его же рассказа. — А сейчас у нас воровство. Банальное, некрасивое воровство на местах.

Я бросил пергамент на стол. Внутри меня начал просыпаться азарт. Тот самый, который гнал меня в офис по субботам и заставлял проводить по двадцать часов в сутки над таблицами.

Этот мир был диким. Несправедливым. Жестоким. Но в нем были правила. И я собирался изучить их быстрее, чем кто-либо поймет, что старого Кассиана больше нет.

— Значит так, — я обернулся к Игнатию. — Слушай меня внимательно. Я потерял память о некоторых деталях... ритуалах, именах. Ты будешь моей тенью. Будешь шептать мне на ухо, кто подошел и как его зовут. Если я ошибусь в молитве — скажешь, что это новое откровение от Светлейшего. Понял?

Игнатий преданно кивнул, хотя в его глазах читалось легкое замешательство.

— И еще. Подготовь мне все книги по каноническому праву и церковным налогам. Я хочу видеть реальные цифры, а не эти сказки про бедную паству.

— Но монсеньор, вам нужен отдых! Лекарь...

— Лекарь может идти к черту, — я подошел к окну и толкнул тяжелую створку.

В лицо ударил резкий осенний ветер. С высоты епископской башни город казался скопищем серых коробок, прильнувших к подножию собора. Узкие улочки, дым из труб, суeta на рыночной площади. Где-то там жили тысячи людей, которые верили, что я — их мост к богу.

Я посмотрел на рубин на своем пальце. В лучах бледного солнца он вспыхнул злым, алым огнем.

— Что ж, Игнатий... Посмотрим, как работает эта ваша религиозная корпорация.

Я почувствовал, как на губах заиграла холодная, хищная усмешка. В прошлой жизни я был акулой бизнеса. В этой — я стану богом. Или, по крайней мере, его самым эффективным генеральным директором.

— Приготовь мою лучшую сутану, — бросил я через плечо. — Завтра мы идем в собор. У меня накопилось много вопросов к моим подчиненным.

Я вздрогнул, возвращаясь в полумрак исповедальни.

Прошло пять дней с моего пробуждения. Пять дней, за которые я успел нагнать такого страху на церковных счетоводов, что они начинали заикаться при моем появлении. Я уже знал, кто ворует, кто плетет интриги, а кто просто профнепригоден.

Но я не был готов к этому.

Голос женщины за решеткой продолжал звучать. Она не просила прощения. Она не каялась. Она требовала справедливости, сама того не осознавая.

— Вы говорите, что уныние — это скучно, — прошептала она, и я услышал, как её пальцы скребут по дереву перегородки. — Но как не унывать, если каждый мой день — это битва за право просто дышать? Если мой муж... если он считает, что может ломать меня, как сухую ветку?

Я молчал. Мой современный мозг, привыкший к корпоративной этике и юридическим нормам, вопил о несправедливости. Но Кассиан внутри меня — тот, чья память медленно просачивалась в моё сознание, — знал, что в этом мире у неё нет прав. Она — собственность.

Но я больше не был просто Кассианом.

Я придвинулся ближе к решетке. Запах её боли — горький, как соль, и острый, как сталь — казался осязаемым физически.

— Гнев — это гораздо более продуктивное чувство, чем уныние, — произнес я своим новым, глубоким голосом, в котором сейчас не было ни капли церковного елеса. — Уныние заставляет вас опускать руки. Гнев заставляет их сжимать в кулаки.

Я услышал её судорожный вздох.

— Вы... вы не должны так говорить. Вы священник. Вы должны сказать мне о покорности. Об искуплении. О том, что Светлейший воздаст мне на небесах.

— На небесах будет слишком поздно, — отрезал я. — Вам нужно жить здесь. И сейчас.

Я чувствовал, как во мне закипает что-то темное и мощное. Это не был инстинкт проповедника. Это был инстинкт кризис-менеджера, увидевшего вопиюще неправильно работающую систему. И инстинкт мужчины, который вдруг понял, что за этой решеткой находится кто-то, ради кого он готов переписать все правила этой чертовой «корпорации».

— Расскажите мне о нем, — приказал я. — Расскажите мне о вашем муже. И не смейте лгать. В этой кабинке нет бога. Здесь есть только я.

И она начала рассказывать.

А я слушал, сжимая кулаки так, что костяшки побелели. Я смотрел на рубин на своем пальце и понимал: я попал в это тело не зря.

Зверь в рясе проснулся. И он был очень, очень голоден до справедливости.

Глава 4(Макс/ Кассиан)

Воскресное утро в архиепископстве пахло не только ладаном, но и паникой. За 10 дней, что я провел в этом теле, я успел сделать то, на что у настоящего Кассиана ушли бы десятилетия: я навел порядок в бухгалтерии. Оказалось, что «неисповедимые пути господни» в финансовом плане вполне себе поддавались учету и контролю, если прижать к теплой стенке парутройку особо зажавшихся казначеев.

— Ваше Высокопреосвященство, я заклинаю вас всеми святыми... — Брат-эконом трясся так, что его тонзура напоминала вибрирующее блюдо. — Мы не можем лишить епископа Гилберта содержания. Он... он же отвечает за поставку свечей для всего города!

Я лениво перевернул страницу пергамента. После мониторов с Retina-дисплеем чтение этих каракуль на шкурах мертвых животных было тем еще квестом, но суть я уловил быстро.

— Брат Стефан, — я поднял на него взгляд, который в прошлой жизни заставлял вице-президентов компаний судорожно вспоминать, где лежат их трудовые книжки. — Епископ Гилберт закупает свечи по цене, в три раза превышающей рыночную. И делает это у своего же племянника. Я называю это «откатом». Если проще, кажется, — чревоугодием. Или просто воровством. Поэтому Гилберт отправляется в дальний монастырь — молиться о том, чтобы я не пересчитал еще и его расходы на вино.

— Но... но он же ваш старый друг! — пискнул эконом.

— У меня нет друзей, — я захлопнул книгу так, что пыль взлетела облаком. — У меня есть только активы и пассивы. На данный момент наша епархия — это один сплошной пассив, который я собираюсь превратить в прибыльную корпорацию. Свободен.

Эконом вылетел из кабинета, едва не запутавшись в собственной рясе. Я откинулся на спинку тяжелого резного кресла.

Десять дней. Полторы недели в этом средневековом филиале ада, а я уже чувствовал себя как дома. Мой современный мозг, заточенный под кризис-менеджмент, жадно впитывал информацию. Игнатий оказался отличным поисковиком — он снабжал меня слухами, цифрами и именами быстрее, чем я успевал их обрабатывать. Я уже знал, кто из местных лордов должен Церкви, а кто — королю. Знал, чьи мануфактуры процветают, а чьи — держатся на честном слове и взятках.

— Монсеньор, пора, — Игнатий неслышно возник за плечом. — Служба уже началась. Весь город собрался. Лорды и дамы ждут исповеди.

— Парад лицемерия, — буркнул я, вставая.

Тело за 10 дней стало привычным. Я уже не спотыкался о подол сутаны и научился носить парадное облачение так, словно это был костюм от Tom Ford. Но тяжесть золотой вышивки и колющее кружево воротника всё равно бесили. Игнатий накинул мне на плечи мантию, которая весила добрых пять килограммов.

— Сандал, Игнатий, — напомнил я.

Секретарь кивнул и протянул мне шелковый платок, пропитанный горьким сандаловым маслом. Мой личный фильтр. В соборе будет вонять немытыми телами вперемешку с ладаном — коктейль, от которого мой изнеженный парфюмом из дьюти-фри нос сворачивался в трубочку.

Выход в Собор был похож на дефиле. Я шел через ряды прихожан, чувствуя на себе сотни взглядов — от фанатичного обожания до скрытой ненависти. Я шел, чеканя шаг, и мой рубин на пальце вспыхивал в лучах света, пробивавшихся через витражи. Я чувствовал власть. Огромную, почти абсолютную власть над этими людьми. В Москва-Сити у меня были деньги, но здесь... здесь я был наместником бога.

И всё же, всю эту неделю, за всеми цифрами и отчетами, в глубине моего мозга сидел один-единственный голос.

«Я хочу проклясть весь этот мир».

Я ловил себя на том, что просматриваю списки знати, пришедшей на службу, в поисках одной фамилии. Роланд. Лорд Роланд и его супруга Элинора. Игнатий выяснил для меня всё: Роланд был игроком, транжирой и бабником. Его поместье дышало на ладан, а сам он держался на плаву только благодаря связям и приданому жены.

Я сел на трон у алтаря, принимая подобающую позу — каменное лицо, взгляд в вечность. Служба тянулась бесконечно. Хор пел красиво, но я думал о том, что акустика в соборе идеальная, а вот система отопления — нулевая.

— Время исповеди, монсеньор, — шепнул Игнатий, когда пришло время.

Я поднялся и направился к кабинкам в северном крыле. Внутри было тесно и душно. Я сел на жесткую скамью, чувствуя себя оператором колл-центра, которому сейчас придется выслушивать жалобы клиентов.

— Благословите меня, отец... — начал первый прихожанин.

Это был барон Гиллеард. Я узнал его по голосу — хриплому, с одышкой человека, который слишком много ест и слишком мало двигается. Он каялся в «гневе» на слуг и «небольшом обмане» при продаже леса. На самом деле он просто хвастался тем, как ловко надул соседа.

— Десять молитв и пожертвование на ремонт восточного крыла, — сухо бросил я. — Следующий.

За ним потянулся конвейер. Знатные дамы каялись в «тщеславии», обсуждая со мной через решетку фасоны платьев. Молодые лорды — в «блудных мыслях», от которых у них явно не было ни капли раскаяния. Я слушал их и чувствовал, как внутри закипает скука. Это были не грехи. Это была игра. Социальный ритуал, где они делали вид, что каются, а я должен был делать вид, что прощаю.

Я отвечал им короткими, заученными фразами. Мой современный мозг уже просчитывал, сколько золота принесет эта сессия «духовного очищения».

И тут что-то изменилось.

Я даже не сразу понял, что именно. Просто воздух в кабинке вдруг стал... другим. Холодным. Пропитанным тонким, едва уловимым ароматом лаванды и ледяной воды.

Я замер.

С той стороны решетки не было шороха дорогих тканей или запаха мускуса. Там была тишина. А потом — звук, от которого мои пальцы, лежащие на коленях, невольно сжались.

Тихий, судорожный всхлип. Человек по ту сторону не просто плакал — он пытался задуть свой плач, спрятать его, разорвать на куски внутри себя. В этом звуке было столько настоящей, неприкрытой боли, что вся моя циничная броня, выстроенная за неделю, пошла трещинами.

Это не был «клиент». Это был человек, попавший в авиакатастрофу своей жизни.

Я узнал этот голос еще до того, как она заговорила. Мой слух, обострившийся в этом теле, зафиксировал те же обертоны, тот же надломленный ритм.

— Вы вернулись, — произнес я пугающе тихо.

Я чувствовал, как мое сердце — сердце Кассиана или мое собственное, я уже не понимал — начало биться чаще. Всю неделю я гнал от себя мысли о ней. Убеждал себя, что это просто «интересный кейс», необычная аномалия в скучном средневековом пейзаже. Но сейчас, слыша её плач, я понял, что лгал себе.

Я ждал этого воскресенья только ради неё.

— Я... я не должна была приходить, — прошептала она. Голос дрожал так сильно, что казалось, она вот-вот упадет в обморок прямо там, на каменном полу. — Милорд... отец Кассиан... я грешна. Я грешна в том, что не могу больше терпеть.

— Потерпите, — сказал я, и мой голос, против моей воли, смягчился. — Расскажите мне, что произошло за эту неделю. Почему ваш гнев превратился в этот плач?

Я придвинулся ближе к решетке. Мне хотелось видеть её, но дубовые планки скрывали всё, оставляя лишь неясные тени.

— Он узнал... — она замолчала, захлебываясь слезами. — Он узнал, что я проверяла счета мануфактуры. Он сказал, что я выставляю его дураком перед управляющим.

Я почувствовал, как во мне закипает холодная, расчетливая ярость бизнесмена, у которого пытаются отобрать законную прибыль.

— И что он сделал? — спросил я, и мой баритон упал до опасного шепота.

Вместо ответа она просунула руку к решетке. Узкую, бледную ладонь с тонкими пальцами.

В полумраке исповедальни я увидел это. На тыльной стороне её кисти, почти у самого запястья, багровел свежий, уродливый след. Словно её сильно сжали железными пальцами или ударили чем-то тяжелым. Кожа вокруг посинела, припухла.

В моей голове словно что-то взорвалось.

Я — Макс, человек, который всегда решал вопросы логикой и деньгами, — вдруг ощутил первобытное, бешеное желание выломать эту решетку, выйти наружу и просто свернуть шею лорду Роланду. Медленно и методично.

Я протянул свою руку и коснулся дерева решетки ровно в том месте, где лежали её пальцы. Нас разделял всего дюйм дуба, но искра, пробежавшая между нами, была мощнее электрического разряда.

— Вы опоздали на неделю, Элино́р, — произнес я, и в моем голосе больше не было ничего от священника. — Я уже начал думать, что ваш муж нашел способ заставить вас замолчать навсегда.

Я замолчал на секунду, глядя на её травмированную руку.

— Покажите мне её полностью, — приказал я. — Дайте мне увидеть, насколько далеко он зашел в своем безумии.

Я знал, что нарушаю всё: каноны, правила, здравый смысл. Но в этот момент в тесной деревянной будке не было Архиепископа и прихожанки. Был мужчина, который наконец нашел то, ради чего стоило проснуться в этом мире. И была женщина, которой требовался не бог, а защитник.

— В этой кабинке нет бога, Элино́р, — повторил я свою фразу из прошлой встречи, но теперь она звучала как клятва. — Здесь есть только я. И я обещаю вам: он заплатит за каждый этот синяк. По центу... по медяку... по капле крови.

Я почувствовал, как её пальцы на мгновение прижались к дереву с той стороны, ловя тепло моей руки.

— А теперь, — я отодвинул заслонку еще шире, — расскажите мне всё. Каждое слово. Каждое действие. Мы начинаем наш аудит, Элино́р. И поверьте, ваш муж — банкрот.

Глава 5

Дерево решетки казалось ледяным, но там, где к нему прижались пальцы человека по ту сторону, я почти кожей чувствовала обжигающий жар. Его слова — «В этой кабинке нет бога» — ударили меня сильнее, чем пощечина Роланда. Они эхом прокатились под сводами собора, хотя были произнесены едва слышным шепотом. Кошунство. Окультизм. Безумие. Прямой путь на костер.

Но почему тогда мое сердце, до этого замиравшее от ужаса, вдруг забилось с такой неистовой, живой силой?

Я смотрела сквозь ромбовидные отверстия перегородки, пытаюсь разглядеть его. Тень. Лишь очертание широкого плеча и тяжелый блеск огромного рубина на руке, которая лежала совсем рядом с моей — изувеченной, посиневшей, пахнущей мазью и безнадежностью.

— Вы... вы не имеете права так говорить, — выдохнула я, и мой голос, сорвавшийся на хрип, показался мне чужим. — Это святое место. Вы — голос Светлейшего...

— Я — тот, кто видит ваши синяки, Элинора, — отрезал он. Его баритон вибрировал, заставляя дерево под моими пальцами мелко дрожать. — А Светлейший, судя по всему, сегодня взял выходной. Или Ему просто надоело слушать, как вы добровольно ложитесь под ноги человеку, который вас не стоит.

Я отпрянула, вжимаясь спиной в дубовую стенку кабинки. В горле пересохло. Белила на моей щеке казались теперь тяжелой, растрескавшейся коркой, за которой я пыталась спрятать не только лицо, но и саму себя. Он назвал меня по имени. В исповедальне! Где мы — лишь безымянные тени, обменивающиеся шепотом.

— Покажите мне вашу руку, — повторил он непререкаемым тоном. Это был не совет пастыря. Это был приказ господина, привыкшего, что его воля исполняется мгновенно. — Ближе к решетке. Живее.

Я подчинилась. словно марионетка, чьи нити перехватил умелый кукловод, я медленно подняла кисть и прижала её к деревянным планкам. Багровая гематома на бледной коже в полумраке казалась уродливым пятном грязи.

Я услышала, как он резко втянул воздух через зубы. Звук был злым, сухим.

— Роланд, — произнес он, и это имя в его устах прозвучало как приговор. — Значит, ваш муж решил, что счета мануфактуры — это его личная территория, на которую вы не имеете права заглядывать? И за ваш интерес он оплатил... этим?

— Я была неосторожна, — зашептала я, чувствуя, как по щекам, размывая пудру, потекли горячие, позорные слезы. — Я разгневала его. Я должна была промолчать. Священники говорят, что покорность — это путь к спасению, что терпением мы искупаем...

— Хватит! — Этот звук был похож на удар хлыстом. — Хватит кормить меня этой заплесневелой ложью, Элинора. Покорность перед подлецом — это не добродетель. Это соучастие в его грехе. Вы не искупаете свою душу, вы просто кормите его безнаказанность.

Я замерла, боясь даже вздохнуть. Его слова были ересью, чистой воды ересью, которую вбивали в нас как нечто дьявольское. Но внутри меня, в самых темных и забитых уголках души, они отозвались странным, пугающим узнаванием. словно я всегда знала это, но боялась признаться даже себе.

— Вы каетесь в гневе, — продолжал он, и теперь его голос стал спокойным, почти деловым, словно он разбирал скучный отчет. — Но гнев — это единственное правильное чувство, которое у вас осталось. Это ваш иммунитет. Ваша защита. Знаете, в чем ваша настоящая беда?

— В гордыне? — предположила я, ожидая привычного удара.

— Нет. Ваша беда в том, что вы считаете себя жертвой обстоятельств, — он замолчал, и я почувствовала, как он придвинулся к самой решетке. Теперь я чувствовала запах его кожи —

горьковатый аромат сандала и чего-то еще, свежего, энергичного, чего не могло быть у старого священника. — Вы — не жертва, Элинон. Вы — актив. Ценность, которую этот... Роланд... использует крайне неэффективно. Он банкрот, который тратит последнее золото на шлюх и вино, уничтожая то единственное, что могло бы его спасти — вас.

Я слушала его, и мир за пределами кабинки перестал существовать. Не было Собора, не было толпы прихожан, не было Роланда, ждущего меня у выхода. Были только мы. И эта странная, пугающая «исповедь» наоборот.

— Светлейший создал этот мир не для того, чтобы Его творения превращали в половые тряпки, — Макс говорил четко, вкладывая смысл в каждое слово, словно вбивал гвозди в крышку гроба моего прошлого «я». — Ваше терпение — это не путь в рай. Это инвестиция в ад вашего мужа. Понимаете меня? Вы дадите ему право бить вас, потому что он знает: вы подставите другую щеку и пойдете молиться. Завтра он ударит сильнее. А послезавтра — убьет. И на вашем надгробии напишут: «Она была очень покорной». Вам нравится такой финал?

— Нет, — выдохнула я, сжимая решетку так, что костяшки пальцев побелели.

— Тогда слушайте меня внимательно. Я не отпущу вам грех гнева, потому что это не грех. Это ваша сила. И я не велю вам молиться десять раз. Я велю вам начать аудит вашей жизни.

— Ау... дит? — это слово было незнакомым, колючим.

— Проверку, Элинон. Ревизию. Вы сказали, что он боится вашего интереса к мануфактуре? Значит, там скрыто то, что дает ему власть. Или то, что он боится потерять. Завтра будет званый ужин у вдовы барона, я знаю, вы там будете. Роланд будет флиртовать, будет пытаться унижить вас взглядом или словом.

Я вздрогнула. Откуда он знал про ужин? Откуда знал про взгляды Роланда?

— И что я должна делать? — спросила я, и сама поразилась тому, как жадно прозвучал мой вопрос.

— Ничего из того, к чему он привык, — в голосе Макса послышалась хищная, одобряющая усмешка. — Не опускайте глаза. Не бледнейте. Не ищите его одобрения. Когда он посмотрит на вас, чтобы увидеть ваш страх — подарите ему холод. Абсолютный, ледяной холод. Будьте королевой, которая смотрит на взбунтовавшегося холопа. Вы — дочь знатного рода, Элинон. В ваших жилах течет кровь людей, которые строили этот город. А в его — только дешевое вино. Напомните ему об этом. Не словами. Взглядом. Осанкой.

Я представила себе это. Представила, как смотрю на Роланда — не снизу вверх, ища прощенья, а прямо, видя его насквозь. От этой мысли по спине пробежал электрический разряд.

— И помните про счета, — добавил он, и его голос снова стал жестким. — Найдите ключи от кабинета. Узнайте цифры. Деньги — это кровь этого мира, Элинон. Если вы перекроете ему доступ к ним, он станет ручным псом.

— Он убьет меня, если узнает, — прошептала я, но в моем голосе уже не было прежнего парализующего ужаса.

— Он не успеет. Пока он будет занят своим страхом перед вашей новой силой, мы подготовим следующий ход.

Деревянная заслонка на решетке начала медленно закрываться.

— Отец Кассиан... — позвала я, сама не зная зачем. Мне просто не хотелось, чтобы этот голос исчезал.

— Выше подбородок, Элинон, — донеслось из темноты. Голос стал глухим, но не потерял своей властности. — И сотрите эти чертовы белила. Они вам не идут. Истинная сила не нуждается в маскировке. Ступайте. И помните: вы — не жертва. Вы — угроза, с которой он еще не сталкивался.

Я вышла из кабинки на негнущихся ногах. Свет Собора показался мне ослепляющим, хотя солнце едва пробивалось сквозь серые тучи. Хор начал петь торжественный гимн, и его звуки теперь казались мне не благостными, а победными.

Я шла через толпу прихожан, и каждое движение моего тела ощущалось иначе. Словно я сбросила тяжелые оковы, которые носила годами. Корсет больше не давил на ребра — он стал моим панцирем. Тяжелый бархат платья больше не тянул к земле — он подчеркивал мою осанку.

На выходе, у огромных кованых дверей, меня ждал Роланд. Он стоял, небрежно привалившись к колонне, и вертел в руках дорогую трость с набалдашником в виде волчьей головы. Увидев меня, он привычно скривил губы в насмешке.

— Долго же ты отмывала свои грехи, Элинор, — бросил он громко, чтобы слышали проходящие мимо знакомые. — Надеюсь, Светлейший проявил к тебе милосердие, которого ты не заслуживаешь. Поедем, у меня нет времени на твоё благочестие.

Раньше я бы опустила голову. Пробормотала бы извинения. Мои плечи бы ссутулились, а сердце сжалось бы в маленький, дрожащий комочек.

Но сейчас...

Я остановилась в двух шагах от него. Медленно, глядя прямо в его голубые, выцветшие от пороков глаза, я подняла голову. Мой подбородок взлетел вверх. Я смотрела на него так, словно он был не моим мужем и господином, а досадным препятствием на дороге. Грязным пятном на безупречном мраморе пола.

Я молчала. Но в этом молчании было больше силы, чем во всех его криках.

Роланд осекся. Его насмешливая ухмылка сползла, обнажив растерянность. Он нахмурился, его рука, сжимавшая трость, напряглась.

— Что ты так смотришь? — прошипел он, делая шаг ко мне. — Ты что, оглохла в своей конуре?

Я не ответила. Я просто прошла мимо него. Спина прямая, взгляд направлен вперед, походка легкая и уверенная. Я чувствовала, как подол моего платья задел его сапоги, но не замедлила шаг.

— Элинор! — рявкнул он мне в спину, но в его голосе я впервые услышала то, чего ждала пять лет.

Укол страха.

Я села в карету, не дожидаясь, пока он подаст мне руку. Откинулась на подушки и закрыла глаза. На губах, против моей воли, заиграла слабая, холодная улыбка.

Я не знала, кто сидит за решеткой той исповедальни. Святой или дьявол. Но я знала одно: он дал мне оружие, которое я больше никогда не выпущу из рук.

Берегись, Роланд. Твой аудит только начался.

Глава 6

Стук колес кареты о неровную мостовую отзывался в моем затылке глухой, монотонной болью, но я почти не замечала её. Весь мир за пределами этого лакированного ящика перестал для меня существовать. Внутри же, в тесном пространстве, пропитанном запахом дорогой кожи и перегаром Роланда, разворачивалась битва, к которой мой муж оказался совершенно не готов.

Роланд сидел напротив меня, развалившись на сиденье. Его лицо, еще утром хранившее маску благочестия, теперь поплыло: глаза лихорадочно блестели, губы кривились в привычной издевательской ухмылке. Он ждал. Ждал моих слез, оправданий, привычного лепета о том, как долго длилась исповедь и как я молилась за его здоровье.

— Ты молчишь, Элинора, — выплюнул он, подаваясь вперед. От него пахло вином и раздражением. — Неужели святой отец выписал тебе слишком суровую епитимию? Или ты, наконец, поняла, какой скучной и никчемной ханжой кажешься на фоне нормальных женщин?

Раньше эти слова вонзились бы в меня, как отравленные иглы. Я бы опустила голову, пытаясь спрятать дрожащие губы, и начала бы корить себя за то, что недостаточно хороша для него.

Но сейчас... я смотрела в окно. На мелькающие голые ветви деревьев, на серые стены домов, на грязные лужи, в которых отражалось свинцовое небо. В моей голове, перекрывая дребезжание кареты, звучал низкий, вибрирующий голос: «Когда он ударит тебя взглядом — не опускай глаза».

— Я задал тебе вопрос! — Роланд ударил кулаком по мягкой обивке сиденья. — Где ты была так долго? Какому старику ты выливала свои слезы?

Я медленно, очень медленно повернула голову. Мой взгляд встретился с его — мутным, злым, привыкшим к доминированию. Я не стала бледнеть. Я просто смотрела на него. Спокойно. Пусто. Словно он был не моим мужем, а назойливым насекомым, которое мешает мне сосредоточиться на мыслях.

— Исповедь требует времени, Роланд, — ответила я. Мой голос звучал ровно, без единой трещинки. — Особенно когда грехи ближних ложатся на сердце тяжким грузом. Тебе ли об этом не знать?

Роланд осекся. Его рот смешно приоткрылся, а занесенная для следующего удара по сиденью рука замерла. Он не увидел в моих глазах привычного трепета. Только холод. Глубокий, арктический холод, который он раньше никогда во мне не встречал.

— Что ты... что ты себе позволяешь? — прошипел он, но в его тоне уже не было прежней уверенности. Появилось недоумение.

Я не ответила. Снова отвернулась к окну, обрывая диалог на своих условиях. В карете повисла тяжелая, густая тишина. Роланд несколько раз порывался что-то сказать, его пальцы нервно барабанили по колену, но он так и не решился. Он не знал, как бороться с тишиной. Он умел подавлять только крики и слезы.

Дома меня ждала суета. Званный ужин — очередная прихоть Роланда, желавшего пустить пыль в глаза соседям.

Я стояла в своей гардеробной, глядя на ворох платьев, которые горничная разложила на кровати. Нежно-голубой шелк, кремовый бархат, бледно-розовый атлас... Все эти цвета делали меня прозрачной. Невидимой. Такой, какой Роланд хотел меня видеть — послушным дополнением к его величию.

— Это убери, — сказала я, указывая на кремовое платье, которое он велел мне надеть сегодня. — Дай мне то, темно-синее. С высоким воротом.

Горничная, юная Лиза, округлила глаза:

— Но, миледи... лорд Роланд сказал...

— Я сказала — синее, — повторила я, и Лиза вздрогнула от стали в моем голосе.

Через полчаса я смотрела на себя в зеркало. Синий бархат, цвета ночного штормового моря, облегал фигуру, как панцирь. Высокий воротник-стойка из жесткого кружева подпирал подбородок, заставляя держать голову высоко. Я сама, без помощи служанки, наложила свежий слой белил на скулу. Синяк потемнел, став глубоким, багрово-лиловым, но под слоем дорогой пудры он превратился в едва заметную тень.

Это был мой боевой раскрас.

— Вы — угроза, Элинон, — прошептала я своему отражению. — И сегодня ты увидишь это, Роланд.

Когда я спустилась в обеденный зал, гости уже были в сборе. Воздух был пропитан запахами жареного мяса, специй и дешевых сплетен. Роланд уже занял место во главе стола. Рядом с ним, на месте, которое по праву принадлежало мне, сидела леди Беатрис.

Молодая вдова барона была яркой, как тропическая птица. Её декольте было вызывающе глубоким, а смех — слишком громким для приличного дома. Роланд буквально пожирал её глазами. Его рука, как бы невзначай, лежала на спинке её стула, почти касаясь обнаженного плеча.

Увидев меня, он не поднялся. Лишь мазнул взглядом по моему темному платью и недовольно поморщился.

— Элинон, ты как всегда заставляешь гостей ждать, — бросил он, не прерывая флирта с Беатрис. — И что за траурный наряд? Ты выглядишь как старая настоятельница. Посмотри на леди Беатрис — вот пример того, как должна выглядеть женщина, которая радует глаз своего мужчины.

Беатрис звонко рассмеялась, прикрыв рот веером, и бросила на меня торжествующий взгляд. За столом воцарилась неловкая тишина. Гости замерли, ожидая, что я, как обычно, покраснею, пробормочу извинения и тихо сяду в угол, попытаюсь сдержать слезы.

Я медленно прошла к своему месту — напротив Беатрис, по левую руку от Роланда. Села, расправив складки тяжелого бархата. Моя спина была прямой, как натянутая струна.

— Радовать глаз мужчины — занятие похвальное, — произнесла я, обращаясь не к мужу, а к Беатрис. Мой голос разнесся по залу, перекрывая звон приборов. — Но я всегда считала, что в доме лорда жена должна быть не украшением, а хозяйкой. А хозяйке приличествует строгость, когда в её доме... слишком шумно.

Беатрис осеклась. Её веер замер. Роланд нахмурился, его рука на спинке стула напряглась.

— О чем ты шепчешь, Элинон? — грубо спросил он. — Ты хочешь сказать, что леди Беатрис здесь не место?

Я подняла бокал с вином. Посмотрела сквозь рубиновую жидкость на свет свечей.

— Что вы, милорд, — я одарила его легкой, почти неосязаемой, но бесконечно презрительной улыбкой. — Я лишь хочу сказать, что ваше стремление развлечь гостей столь... примитивными способами поистине не знает границ. Продолжайте флиртовать, не смею вам мешать. Это выглядит... забавно. Как выступление ярмарочного шута.

В зале стало так тихо, что было слышно, как трещат свечи в шандалах. Роланд покраснел так, что его лицо сравнялось цветом с вином в моем бокале. Его челюсть сжалась. Он привык, что я боюсь его гнева. Но сейчас он видел перед собой женщину, которой его гнев был... безразличен.

— Ты... — начал он, но я уже отвернулась, завязывая светскую беседу с бароном Хэмфри, сидевшим справа от меня.

Весь ужин я вела себя безупречно. Я ела с аппетитом, которого у меня не было годы. Я шутила. Я поддерживала беседу. И ни разу — ни единого раза! — я не посмотрела на Роланда с мольбой или обидой.

Я видела боковым зрением, как его бесит моё спокойствие. Он пытался спровоцировать меня: обнимал Беатрис за талию, шептал ей на ухо что-то, от чего она хихикала, поглядывая на меня. Но я была стеной. Ледяной стеной, о которую разбивались все его попытки меня задеть. К концу ужина Беатрис выглядела растерянной, а Роланд — по-настоящему злым. И это было сладостное чувство.

Когда гости начали расходиться, Роланд отправился провожать Беатрис до кареты. Я видела в окно, как он что-то жарко шепчет ей, удерживая за руку.

Я не стала его ждать.

Вместо спальни я направилась в малую галерею, где находился кабинет управляющего Торна. Мастер Торн был старым служакой, который помнил еще моего отца. Именно он вел дела мануфактуры, которая была частью моего приданого и которую Роланд медленно, но верно превращал в прах.

Торн сидел за столом, заваленным свитками, и что-то подсчитывал при свете единственной свечи. Увидев меня, он вскочил, роняя перо.

— Миледи? В такой час?

Я прошла внутрь и закрыла дверь на засов.

— Мастер Торн, мне нужны ключи от архива мануфактуры. И все отчеты за последние пять лет.

Старик замаялся, пряча глаза:

— Но, миледи... лорд Роланд велел не беспокоить вас такими скучными делами. Он сказал, что сам ведет учет...

Я подошла к столу и оперлась на него руками, глядя прямо в глаза управляющему.

— Мастер Торн, — мой голос был тихим, но в нем была власть, которой я научилась сегодня в соборе. — Пять лет назад эта мануфактура была лучшей в округе. Сегодня мои ткачихи голодают, а станки стоят без дела. Роланд ведет учет? Роланд ведет нас к разорению. Напомните мне, кто платит вам жалование? Чье имя стоит на закладных этого поместья? Моё. Или моего мужа?

Торн сглотнул. Он увидел во мне не ту тихую девочку, которую выдали замуж за блестящего лорда. Он увидел дочь своего прежнего господина.

— Ваше, миледи, — прошептал он.

— Ключи, Торн. И бумаги. Сейчас же.

Через десять минут я выходила из архива со стопкой тяжелых, пахнущих пылью и сыростью папок. Мои пальцы пачкались в чернилах, но я чувствовала странное возбуждение. Это было начало. Настоящее начало моей войны.

Я шла по коридору к своим покоям, когда из тени алькова шагнул Роланд.

Он был пьян. По-настоящему пьян. От него разило духами Беатрис и крепким элем. Его глаза горели опасным огнем.

— Что это у тебя? — он преградил мне путь, хватая за локоть. Его пальцы впились в мою плоть, там, где под бархатом еще не зажил старый ушиб. — Снова твои молитвенники? Или ты решила заняться бухгалтерией, пока я развлекаю гостей?

Я не вскрикнула. Не попыталась вырваться.

Я медленно опустила взгляд на его руку на моем локте. Затем так же медленно подняла его к его лицу. В коридоре было темно, горел лишь один факел, и в его неровном свете моё лицо, покрытое белилами, казалось маской покойника.

— Отпусти меня, Роланд, — сказала я. Тишина в моем голосе была страшнее крика.

Он рассмеялся, но смех вышел каким-то надтреснутым.

— А то что? Побежишь жаловаться своему священнику? Расскажешь ему, какой я плохой мальчик?

Он поднял другую руку, в которой все еще сжимал бокал с остатками вина. Он хотел выплеснуть его мне в лицо. Я видела это движение, видела его намерение унижить меня окончательно.

Но я не шелохнулась. Я смотрела на него с таким бездонным, кристально чистым презрением, что он замер.

Его рука с бокалом задрожала и остановилась на полпути.

Впервые в жизни Роланд увидел в моих глазах не страх. Не мольбу. Не любовь. Он увидел осознание. Я больше не была его собственностью. Я была его судьей.

Вино в бокале расплескалось, пара капель упала на его дорогую сорочку, но он даже не заметил. Его пальцы на моем локте разжались сами собой. Он отступил на шаг, словно увидел перед собой привидение.

— Ты... ты какая-то не такая, Элинор, — пробормотал он, и в его голосе я отчетливо услышала укол страха. — Что он с тобой сделал в этой исповедальне?

Я не удостоила его ответом.

Я просто прошла мимо, прижимая к груди бумаги мануфактуры. Мои шаги по каменным плитам звучали четко и уверенно.

Заморозки начались, Роланд. И ты даже не представляешь, какой холод ждет тебя впереди. На твоём счету больше нет доверия. А мой аудит только что вошел в самую интересную фазу.

Глава7 (Макс / Кассиан)

В кабинете пахло старой бумагой и застарелым страхом. Епископ Гилберт, человек с лицом настолько благочестивым, что оно казалось высеченным из церковного воска, теперь мелко дрожал. Его пухлые пальцы, привыкшие перебирать четки и золотые монеты в равной степени, судорожно вцепились в край моего стола.

— Но, монсеньор Кассиан... Это же традиции! — лепетал он, и его голос сорвался на жалкий писк. — Десятина с мануфактур всегда распределялась так...

— Традиции — это не синоним воровства, Гилберт, — перебил я его, не поднимая глаз от отчета. — Ты списывал средства на «ремонт собора», который не видел каменщика со времен последней чумы. А разницу переводил на счета своих племянников в торговой гильдии. В моем мире... — я осекся, почувствовав, как Игнатий за моей спиной едва заметно вздрогнул. — В мире, который я хочу построить, это называется ликвидацией активов.

Я медленно поднял взгляд. В прошлой жизни я увольнял людей сотнями. Я закрывал заводы, резал бюджеты и смотрел, как рушатся империи, не дрогнув ни единым мускулом. Но здесь, в этом теле, моя ярость ощущалась иначе — она была густой, тяжелой, подкрепленной безграничной властью рясы.

— Ты отстранен, Гилберт. Сегодня же соберешь вещи и отправишься в скит на северных скалах. Будешь молиться о том, чтобы я не нашел те два сундука с золотом, которые ты припрятал в подвале своего загородного дома.

Епископ побледнел настолько, что стал одного цвета со своей сорочкой. Он не стал спорить. Он знал, что я знаю. В этом мире информация была единственной валютой, которая стоила дороже золота, и я, благодаря Игнатию и своей привычке к аудиту, за неделю стал самым богатым человеком.

Когда за Гилбертом закрылась тяжелая дубовая дверь, в кабинете воцарилась тишина.

— Игнатий, — позвал я, потирая переносицу. — Уведи всех. Я хочу остаться один.

— Но, Ваше Высокопреосвященство, ужин... — начал было секретарь.

— Я не голоден. Оставь меня.

Спустя десять минут я остался наедине с теньями. Я погасил лишние свечи, оставив лишь одну на столе. Огромные, пустые покои архиепископа давили на меня своей монументальностью. Каменный пол охлаждал ноги даже сквозь шерстяные чулки, а в углах, казалось, шептались призраки моих предшественников.

Я подошел к окну. За окном спал средневековый город — темный, грязный, пахнущий дымом и нечистотами.

Я вспомнил свою прошлую жизнь. Москва. Триплекс на Пресне. Панорамные окна в пол, за которыми горели огни мегаполиса. Я был Максом — «золотым мальчиком» кризис-менеджмента. У меня было всё: Ferrari в подземном паркинге, модели, которые менялись чаще, чем я обновлял гардероб, и власть, основанная на нулях в банковском счете.

Я никогда не ценил жизнь. Я воспринимал её как бесконечный бизнес-ланч, где мне всегда подавали лучшее место. Я был циничен, холоден и... пуст.

А теперь?

Теперь я — Кассиан. Святоша в золотой клетке.

Я закрыл глаза, и перед внутренним взором возник образ из сегодняшней исповедальни. Тонкие пальцы, вцепившиеся в дерево решетки. След от удара на белой коже. И этот запах... Запах ладана, смешанный с солью её слез и едва уловимым ароматом лаванды.

Элинора.

Я поймал себя на мысли, что эта женщина — чужая жена, чьего лица я толком не видел, — стала моим единственным якорем в этом безумном мире. Её боль была настоящей. Единственной искренней вещью среди всего этого церковного вранья.

«Он заплатит за каждый синяк», — пообещал я ей.

А потом я задал себе вопрос, от которого внутри стало тошно.

«Макс, а чем ты лучше Роланда?»

В той жизни я тоже не был святым. Я не бил женщин, нет — это было ниже моего достоинства. Но я ломал их иначе. Я использовал их как аксессуары. Я бросал их, когда они мне надоедали, не оглядываясь на разбитые сердца. Я вел такой же праздный, порочный образ жизни. Я так же тратил деньги на шлюх и виски, пока где-то в моих компаниях люди вкалывали за копейки.

Имею ли я право учить её быть сильной? Имею ли я право судить Роланда?

Я посмотрел на свои руки. Крупные ладони Архиепископа. На рубиновый перстень, который казался сейчас весом в тонну.

— Наверное, именно для этого я здесь, — прошептал я в пустоту комнаты. Голос прозвучал хрипло. — Чтобы увидеть свою жизнь со стороны. Чтобы посмотреть в это зеркало и не отвернуться.

Я понял одну простую вещь: Кассиан был таким же, как Макс. Функцией. Маской. Но этот мир дал мне шанс стать кем-то другим. Не святым — до этого мне было как до Луны пешком. Но защитником. Хирургом, который вскроет этот нарыв.

Если я не могу исправить то, что натворил в Москве, я исправлю то, что происходит здесь.

Я сел за стол и рывком пододвинул к себе чистый лист пергамента. Мой мозг переключился в режим охоты. Мне не нужно было божественное озарение, мне нужна была информация.

— Игнатий! — рявкнул я так, что пламя свечи дрогнуло.

Секретарь вошел мгновенно, словно всё это время подпирал дверь плечом.

— Да, монсеньор?

— Досье на лорда Роланда. Мне нужно всё: его долги, его любовницы, его счета, его связи в суде. Каждое грязное пятно в его биографии. Я хочу знать даже то, сколько раз он пересаливал суп.

Игнатий поклонился, и в его глазах я увидел предвкушение. Он, кажется, начинал понимать, что новый Кассиан — это не про молитвы, это про возмездие.

— Всё уже здесь, Ваше Высокопреосвященство, — он положил на стол пухлую папку. — Я позволил себе начать сбор данных еще два дня назад, когда заметил ваш интерес к той даме в соборе.

Я усмехнулся. Мальчишка был сообразителен.

— Свободен.

Я открыл папку. Страница за страницей. Цифры, отчеты моих соглядатаев, списки закладных. Чем больше я читал, тем шире становилась моя хищная улыбка. Роланд был классическим примером «пузыря». Он жил не по средствам, закладывал мануфактуры жены, чтобы платить карточные долги, и при этом умудрялся строить из себя праведника.

Типичный банкрот. И я знал, как проводить процедуру банкротства лучше, чем кто-либо в этом королевстве.

Я посмотрел на рубин. В свете свечи он вспыхнул злым, алым цветом.

— Ты думаешь, Элинора — твоя вещь, Роланд? — прошептал я, и в моем голосе послышался рык зверя, который наконец почуял добычу. — Ошибка. Она — мой единственный реальный актив в этом мире. А активы я защищаю до последнего вздоха.

Я захлопнул папку. Сон не шел, но это не имело значения. Завтра я начну аудит, от которого у лорда Роланда затрясутся поджилки. И я сделаю это не ради Светлейшего.

Я сделаю это ради себя. Чтобы доказать самому себе, что в теле Архиепископа Кассиана наконец-то поселился человек, который достоин жить.

Мишень захвачена. Охота началась.

Глава 8(Элинор)

(от лица Элинор)

Чернила на страницах старых отчетов пахли железом и пылью. Я сидела за маленьким секретером в своей гардеробной, обложившись бумагами, которые Мастер Торн передал мне в приступе запоздалой верности моему отцу. Свеча догорала, бросая длинные, дрожащие тени на колонки цифр. Мой современный наставник из исповедальни был прав: цифры не умеют лгать, в отличие от мужчин.

То, что я увидела в этих записях, заставило мои пальцы похолодеть. Роланд не просто «неудачно вкладывал» средства мануфактуры. Он методично, месяц за месяцем, выкачивал из неё жизнь. Здесь были закладные под безумные проценты, фиктивные счета за сырье, которое никогда не закупалось, и прямые переводы на счета сомнительных игорных домов. Мое приданое — дело трех поколений моей семьи — превращалось в пепел ради его карточных долгов и подарков для Беатрис.

Я закрыла папку. В груди ворочалось что-то тяжелое и холодное. Гнев, о котором говорил священник, больше не обжигал — он застывал, превращаясь в прочный, ледяной каркас.

Дверь спальни распахнулась с таким грохотом, что подсвечник на столе подпрыгнул.

Я не вздрогнула. Медленно, словно у меня в запасе была вечность, я повернула голову. На пороге стоял Роланд. Его праздничный камзол был расстегнут, шейный платок сорван, а лицо... оно было белым, с лихорадочным красным пятном на скулах. Это не был гнев пьяницы. Это был первобытный ужас вора, который понял, что его поймали за руку.

— Где они? — прохрипел он, делая шаг в комнату. Его дыхание было тяжелым, прерывистым. — Где ключи, Элинор? Мастер Торн сказал, что ты... ты забрала бумаги.

Я встала. Спокойно сложила руки на животе, чувствуя жесткую ткань платья.

— Мастер Торн сказал правду, Роланд, — мой голос прозвучал удивительно четко в тишине предрасветного часа. — Я — хозяйка этой мануфактуры. И я имею полное право знать, почему мои рабочие голодают, пока ты проигрываешь их жизни в «Золотом кубке».

Роланд замер. На секунду в его глазах промелькнуло что-то похожее на осознание краха, но оно мгновенно сменилось яростью. Смертельно напуганный мужчина — самое опасное существо на свете.

— Ты... ничтожная девка! — он сорвался на крик, сокращая расстояние между нами в два прыжка. — Ты думаешь, эти бумажки что-то значат? Ты моя жена! Всё, что у тебя есть, принадлежит мне! Живо отдай ключи!

Он схватил меня за плечи и тряхнул так, что у меня клацнули зубы. Я не сопротивлялась. Я смотрела прямо в его расширенные зрачки, вспоминая голос из темноты: «Стань королевой, которая смотрит на взбунтовавшегося холопа».

— Никогда, — произнесла я.

Удар был страшнее предыдущего. Роланд не просто ударил ладонью — он толкнул меня со всей силы, наотмашь. Я отлетела к стене, больно ударившись плечом о край тяжелого шкафа. В глазах полыхнули искры, мир на мгновение перевернулся. Я сползла на пол, чувствуя, как по подбородку течет что-то теплое. Рассекла губу.

Роланд тяжело дышал надо мной, замахнувшись для нового удара. Его лицо было искажено гримасой ненависти.

— Ты сама напросилась, — прошипел он, хватая меня за ворот платья и пытаясь поднять. — Я выбью из тебя эту дурь. Я запру тебя в подвале, пока ты не подпишешь отказ от всех земель.

Он замахнулся снова, но внезапно остановился. Возможно, его протрезвила кровь на моем лице. Или то, что я не издала ни звука. Я не плакала. Я не умоляла. Я смотрела на него снизу вверх с таким ледяным, убийственным безразличием, что его рука дрогнула.

— Бей, Роланд, — прошептала я окровавленными губами. — Бей сильнее. Каждая капля моей крови — это еще один гвоздь в твой гроб. Ты уже банкрот. И ты это знаешь.

Он выругался, отшвырнул меня в сторону, словно сломанную куклу, и выскочил из комнаты, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка. Я услышала, как в замке повернулся ключ. Он запер меня.

Я лежала на холодном полу, прижавшись щекой к доскам. Боль в плече была пульсирующей, острой, но в голове была странная, кристальная ясность. Он напуган. Он в ловушке. И сейчас он пойдет пить, чтобы забыть этот страх. У меня было время.

Я знала этот дом с детства. Знала, что за тяжелым гобеленом в гардеробной есть узкая дверь для слуг, ведущая на черную лестницу. Роланд об этом забыл — он никогда не опускался до того, чтобы изучать пути прислуги.

Через полчаса, набросив на себя темный плащ и спрятав лицо под глубоким капюшоном, я уже скользила по туманным улицам города. Воздух был сырым, обжигающим легкие, пред-рассветный туман висел над мостовой грязными клочьями. Город спал, и лишь редкие патрули стражи мелькали вдали.

Собор вырос передо мной как огромный черный утес. Я проскользнула внутрь через боковую дверь для певчих. В храме было пусто и холодно. Одинокие свечи у алтаря едва разгоняли тьму, превращая статуи святых в зловещих наблюдателей.

Я почти бежала к северному приделу. К той самой кабинке. Я упала на колени перед решеткой, тяжело дыша. Мои руки дрожали, когда я откидывала капюшон. Губа распухла, плечо ныло, а накидка была испачкана в пыли.

— Вы здесь? — выдохнула я в темноту. — Пожалуйста... скажите, что вы здесь.

Тишина была долгой. Я уже начала думать, что в такой ранний час там никого нет, как вдруг услышал знакомый шорох сукна. Заслонка отодвинулась.

Запах сандала окутал меня, как теплое одеяло.

— Элинор? — голос Макса (я уже знала, что его зовут не Кассиан, хотя он и не называл имени) прозвучал иначе. В нем не было ироничной отстраненности. В нем была... тревога.

Я прижалась лицом к решетке, чувствуя, как слезы — те самые, которые я сдерживала перед Роландом — наконец прорываются наружу.

— Он нашел бумаги. Он ударил меня... он запер меня, но я сбежала. Он хочет, чтобы я подписала отказ. Он разорил всё, всё, что у меня было...

Я говорила сбивчиво, захлебываясь словами. И вдруг я услышала звук, который заставил меня замолчать.

Это был сухой, резкий треск. В темноте кабинки Макс с такой силой сжал свои четки, что деревянная нить лопнула, и бусины с глухим стуком рассыпались по полу.

— Покажите мне лицо, — приказал он. Его голос больше не был голосом пастыря. Это был низкий, вибрирующий рык зверя, которого удерживают в клетке.

Я послушно подняла голову, ловя скудный свет из окна собора. Я знала, что выгляжу ужасно — разбитая губа, бледность, безумные глаза.

— Черт... — вырвалось у него. Это было странное слово, не похожее на молитву, но в его устах оно прозвучало как самое страшное проклятие. — Элинор, слушайте меня внимательно. Дышите. Просто дышите.

Я заставила себя сделать вдох. Раз, другой. Запах сандала успокаивал, вытесняя запах страха.

— Теперь забудьте о слезах, — его голос стал холодным и твердым, как сталь. — Роланд совершил самую большую ошибку в своей жизни. Он перевел конфликт из финансового в... личный. Вы просили защиты? Вы её получите. Но не от бога. От системы.

Я видела сквозь решетку блеск его глаз. Он придвинулся так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его тела.

— Вы вернетесь домой, — продолжал он. — Но не как жертва. Завтра к вам придет комиссия из епархии. Мы назовем это «Священным Залогом». Вы объявите мужу, что в порыве благочестия передали управление мануфактурой под протекторат Церкви на время вашего «духовного очищения».

Я ахнула:

— Но разве это возможно?

— В этом мире возможно всё, если у тебя в руках печать Архиепископа, — в его голосе прорезалась хищная усмешка бизнесмена. — Роланд не сможет тронуть ни одного медяка. Если он попытается оспорить это — он пойдет против Церкви. А это обвинение в ереси и конфискация всего имущества. Я загоню его в такую юридическую яму, из которой он не выберется до конца своих дней.

Я смотрела на него, потрясенная. Он не предлагал мне терпеть. Он предлагал мне уничтожить врага его же методами, используя власть, о которой я боялась даже помыслить.

— А теперь — самое важное, — Макс прижался лбом к решетке, отделяющей нас. Его голос упал до мрачного, почти собственнического шепота, от которого у меня по коже побежали мурашки. — Станьте для него каменной стеной. Полный эмоциональный вакуум. Не говорите с ним. Не смотрите на него. Пусть он бьется о ваше молчание, как о скалу. Он должен почувствовать, что потерял власть над вашей душой.

Он замолчал, и в этой тишине я слышала наше общее дыхание. Оно было синхронным, тяжелым.

— Я обещаю вам, Элинора, — прошептал он, и его пальцы коснулись дерева решетки ровно напротив моих губ. — Он заплатит за каждый синяк. По самой высокой ставке. Я лично прослежу за тем, чтобы его падение было долгим и мучительным. Но пока... пока вы должны стать неприкасаемой. Для него — и для всего мира.

Я вздохнула, чувствуя, как страх окончательно покидает меня, сменяясь странным, будоражащим чувством защищенности. Этот человек за решеткой не был святым. Он был опасным, властным и пугающим. Но именно его пугающая сила стала моей единственной опорой.

— Идите, — приказал он. — И ничего не бойтесь. Завтра ваш муж узнает, что такое настоящий аудит.

Я поднялась с колен. Мои движения были четкими, уверенными. Я больше не была загнанным зверем. Я была частью его плана.

Уходя, я обернулась на темную кабинку.

— Спасибо... — прошептала я.

— Не благодарите, Элинора, — донеслось из темноты. — В бизнесе, как и в вере, долги возвращаются с процентами.

Я вышла из Собора, когда первые лучи холодного осеннего солнца прорезали туман. Я шла домой, и в моей голове больше не было молитв о смирении. Там была тишина. Крепкая, как гранит. Моя каменная стена, за которой я была в безопасности.

Берегись, Роланд. Завтра к тебе придут те, кто не прощает долгов. И я буду смотреть на твой крах, не проронив ни единой слезы.

Глава 9

Запах мускуса был настолько густым и дешевым, что он, казалось, оседал на серебряных приборах липкой, невидимой пленкой. Я сидела во главе стола, медленно помешивая чай. Моя спина касалась жесткой резной спинки кресла, и каждое движение отзывалось тупой болью в расшибленном плече. Синяк под бархатом платья пульсировал, напоминая о цене моей новой свободы.

— Элинор, дорогая, ты сегодня удивительно молчалива, — голос Роланда прозвучал нарочито бодро, но в нем проскальзывали те же фальшивые нотки, что и в игре бродячего актера.

Я подняла взгляд. Роланд стоял в дверях столовой, подталкивая перед собой молодую женщину. Она была яркой, как сорняк на ухоженной клумбе: пухлые губы, вызывающе подведенные глаза и чепчик горничной, надетый так криво, что он больше походил на кокетливое украшение. Платье из грубой шерсти едва сходилось на её пышной груди — Роланд явно выбирал наряд по своему вкусу, а не по уставу дома.

— Знакомься, это Марта, — он осклабился, и я увидела, как его пальцы на мгновение задержались на талии девицы. — Нам катастрофически не хватает рук в верхнем крыле. Я решил, что Марта станет твоей личной помощницей. И моей... по части мелких поручений.

Марта не сделала реверанса. Вместо этого она смерила меня наглым, оценивающим взглядом, в котором читалось всё: и её ночи в постели моего мужа, и её уверенность в том, что законная жена — лишь досадное препятствие, которое скоро уберут.

— Доброе утро, — бросила она, даже не пытаясь изобразить почтение. — Лорд Роланд сказал, что вы здесь совсем зачихали в одиночестве.

Раньше я бы вскочила. Мои руки задрожали бы, а по щекам потекли бы слезы унижения. Я бы кричала о чести, о порядочности, о том, что приводить любовницу в дом под видом служанки — это предел низости.

Но сейчас в моей голове звучал другой голос. «Он питается твоей реакцией. Не давай ему ничего».

Я медленно отпила глоток чая. Горькая жидкость омолола бескровные губы. Я не смотрела на Роланда. Я смотрела на Марту так, как смотрят на грязное пятно на скатерти — с легким недоумением и брезгливым желанием поскорее позвать прачку.

— Марта, значит, — произнесла я. Мой голос был ровным и холодным, как поверхность замерзшего пруда. — Хорошо. Нам действительно не хватает людей. На кухне как раз засорился сток, а экономка жаловалась, что некому драить котлы после вчерашнего ужина.

Улыбка на лице Марты завяла. Роланд нахмурился, его рука, лежавшая на талии девицы, напряглась.

— Ты не поняла, Элинор, — процедил он, делая шаг к столу. — Марта будет заниматься моими покоями. И твоими... если ты будешь вести себя подобающе. Она не для кухни.

Я подняла глаза и впервые за утро посмотрела на мужа. Прямо. Ледяным, немигающим взглядом.

— В моем доме, Роланд, — я намеренно выделила слово «моем», — обязанности распределяю я. Раз Марта пришла сюда работать, она будет работать там, где это необходимо. А сейчас мне необходимо, чтобы в подвале навели порядок.

Марта фыркнула, сложив руки на груди:

— Я не собираюсь лезть в подвал! Лорд Роланд обещал мне комнату рядом с его кабинетом!

Я проигнорировала её слова, словно это был просто шум ветра за окном. Снова перевела взгляд на Роланда.

— Ты что-то хотел еще обсудить, милорд? — спросила я со скучающим видом. — Если нет, то распорядись, чтобы эту... особу отвели к миссис Грейс. У неё сегодня много дел.

Роланд задохнулся от ярости. Он ждал битвы. Ждал моих криков, чтобы обвинить меня в истерии и запереть снова. Но моя «Стена» оказалась для него непроницаемой. Он выглядел нелепо со своей фавориткой посреди столовой, пока я спокойно завтракала.

— Мы еще вернемся к этому разговору, — прошипел он, хватая Марту за руку и буквально вытаскивая её из комнаты.

Я проводила их взглядом. Рука, сжимавшая чашку, не дрогнула. Но внутри всё дрожало от осознания: первый раунд остался за мной.

Весь день Марта пыталась взять реванш.

Она намеренно пролила вино на мой любимый гобелен, когда я проходила мимо. Она хамила слугам, заявляя, что скоро станет здесь «настоящей хозяйкой». Она входила в мою комнату без стука, принося «поручения от лорда», и оставляла после себя этот удушающий запах мускуса.

Я не реагировала. Я была Каменной Стеной. Каждое её действие натывалось на моё ледяное спокойствие. Когда она пролила вино, я лишь позвала горничную и велела убрать «грязь», даже не взглянув на Марту. Когда она попыталась заговорить со мной в коридоре, я прошла мимо, словно она была прозрачной.

К полудню я почувствовала, что Роланд близок к взрыву. Он не понимал, что происходит. Его привычный мир, где он был хищником, а я — жертвой, рушился.

Я вызвала миссис Грейс, нашу экономку, в большой холл. Это была суровая женщина, которая тридцать лет верой и правдой служила моей семье. Она терпеть не могла Роланда, но боялась его гнева.

— Миссис Грейс, — сказала я, когда она вошла. Роланд в это время стоял на лестнице, наблюдая за нами, а Марта победоносно ухмылялась у него за спиной. — У нас в штате появилась новая... единица. Марта.

— Да, миледи, — миссис Грейс поджала губы.

— Проверьте её навыки, — я говорила громко, так, чтобы каждое слово разлеталось под сводами холла. — Судя по её манерам и запаху, она привыкла к работе в местах... менее благородных. Начните с чистки каминных решеток в гостевых комнатах. Если через час там останется хоть капля сажи, выдайте ей расчет и выставьте за ворота.

— Элинор! — Роланд буквально слетел с лестницы. — Ты переходишь границы! Марта не будет чистить решетки!

Я медленно повернулась к нему. В моих руках был свернутый пергамент с тяжелой восковой печатью Архиепископства — тот самый документ, который я получила сегодня утром через тайного посланника.

— Границы, Роланд? — я подняла бровь. — Давай поговорим о границах.

Я развернула пергамент перед его лицом. Слуги в холле замерли. Даже Марта притихла, чувствуя, что воздух вокруг наэлектризовался.

— Это акт о «Священном Залоге», — произнесла я, и мой голос зазвенел, как сталь. — Отныне, по воле Его Высокопреосвященства Архиепископа Кассиана, мануфактура и все связанные с ней доходы передаются под протекторат Церкви. На время моего «духовного очищения».

Роланд побледнел. Он протянул руку, чтобы выхватить бумагу, но я отступила.

— Не утруждайся, — холодно добавила я. — Копия уже находится в городском суде. Это означает, милорд, что отныне каждый медяк, который тратится в этом доме, будет проверяться епархиальной комиссией. Личные нужды лорда, его карточные долги и содержание...

— я мельком глянула на Марту, — ...сомнительных девиц больше не являются статьями расходов мануфактуры.

— Ты... ты не могла... — Роланд задыхался. — Это моё имущество!

— Это моё приданое, — отрезала я. — Которое ты почти уничтожил. Теперь оно защищено Богом. И если ты попытаешься оспорить этот указ, Роланд, ты будешь иметь дело не со мной. А с инквизицией по обвинению в хищении церковных средств.

Тишина, воцарившаяся в холле, была абсолютной. Было слышно, как на кухне где-то далеко звякнула посуда. Роланд смотрел на меня с таким выражением, словно я только что превратилась в дракона прямо у него на глазах. Его лицо пошло красными пятнами, жилка на виске забилась.

— Миссис Грейс, — я снова повернулась к экономке, игнорируя мужа. — Заберите Марту. И выдайте ей самое грубое платье. Пусть приступает к решеткам. Сейчас же.

— Пойдем, девка, — миссис Грейс с явным удовольствием схватила онемевшую Марту за плечо.

Марта посмотрела на Роланда, ища защиты, но он молчал. Он стоял, сжимая кулаки, раздавленный весом пергамента в моих руках. Он понял: финансовая кастрация свершилась. Без моих денег он был никем. Просто обедневшим лордом с кучей долгов.

— Я... я тебя уничтожу, — прохрипел он, когда слуги разошлись.

Я посмотрела на него. Без страха. Без ненависти. С легким, почти научным любопытством.

— Ты уже уничтожен, Роланд, — ответила я. — Ты просто еще не понял, что ты труп, который продолжает ходить.

Я прошла мимо него, задев его плечо краем своего жесткого платья. Он не шелохнулся.

Вечер опустился на поместье тихой, прохладной вуалью. Я сидела в кресле у камина в своей малой гостиной. На столе дымились чашка свежесваренного чая.

Из подвального этажа доносились приглушенные звуки — это Марта, под присмотром суровой миссис Грейс, драила медные котлы. Говорят, она рыдала так, что её было слышно на конюшне. Роланд заперся в своем кабинете. Оттуда уже дважды доносился звон разбитого стекла — мой муж пытался утопить свой гнев в вине, но вино теперь тоже было лимитировано.

Я сделала глоток чая. Он был горьким, крепким и удивительно вкусным.

Я смотрела на огонь и думала о человеке в исповедальне. О Максе. О его голосе, который стал моим внутренним компасом. Он дал мне не просто бумагу с печатью. Он дал мне право на собственную жизнь.

Я коснулась своей губы. Ранка почти зажила. Плечо еще ныло, но это была уже другая боль. Боль исцеления.

Я чувствовала, как власть, которую я так долго отдавала Роланду по капле, возвращается ко мне мощным потоком. Я больше не была вещью. Я была игроком.

— Спасибо, святой отец, — прошептала я в пустоту комнаты. — Ты обещал, что он заплатит. И он начал платить.

На губах моих заиграла слабая, холодная улыбка. Первый день моего аудита подошел к концу. И результат мне чертовски нравился.

Я поставила чашку на стол и впервые за многие годы уснула сразу, едва моя голова коснулась подушки. Без страха. Без слез. Под звуки чужого поражения.

Глава 10(Макс / Кассиан)

Парадное облачение архиепископа весило примерно столько же, сколько стоил хороший бронированный «мерседес», и доставляло примерно столько же дискомфорта, сколько тесный гидрокостюм в сорокаградусную жару. Пока Игнатий с благоговейным трепетом затягивал на моих плечах тяжелую парчовую мантию, расшитую золотыми нитями и мелким речным жемчугом, я рассматривал свое отражение в зеркале и думал о том, что корпоративный дресс-код в Москва-Сити был верхом гуманизма.

— Ваше Высокопреосвященство, вы выглядите как само воплощение Света, — выдохнул Игнатий, поправляя мой воротник-стойку, который впивался в подбородок не хуже кандалов.

— Я выгляжу как золотой самовар, Игнатий, — отозвался я, пробуя шею на подвижность. — Или как очень дорогой экспонат в музее прикладного искусства.

Секретарь лишь смиренно потупился. За неделю он привык к моим странным метафорам, хотя всё еще вздрагивал каждый раз, когда я называл Священный Синод «советом директоров», а епархиальные взносы — «дивидендами».

В этой новой жизни я быстро усвоил одну вещь: власть здесь не просто принадлежит тебе — ты должен её транслировать каждым сантиметром своего тела. Каждый шаг, каждый наклон головы, каждый блеск рубина на пальце должен был напоминать окружающим, что я — вершина пищевой цепочки.

Раут у губернатора был тем мероприятием, которое в моем прошлом мире называли «обязательным нетворкингом». Скучно, душно, полно лицемерия и токсичных активов в шелках. Но Кассиан не мог его пропустить. После того как я ввел «Священный Залог» и фактически наложил лапу на финансы нескольких крупных поместий, аристократия гудела, как встревоженный улей. Им нужно было увидеть зверя лично. Им нужно было понять, насколько глубоко я собираюсь вонзить когти в их кошельки.

Дворец губернатора встретил меня ревом труб и оглушительным запахом воска, пота и тяжелых духов. Тысячи свечей в огромных люстрах превращали зал в раскаленную духовку. Зеркала на стенах множили толпу, создавая иллюзию бесконечного моря из перьев, кружев и драгоценностей.

Когда я вошел, музыка смолкла. Толпа расступилась, словно я был ледоколом в арктических льдах. Реверансы были такими глубокими, что я всерьез опасался за сохранность некоторых корсетов.

— Ваше Высокопреосвященство, — губернатор, тучный мужчина с лицом цвета переспелой сливы, склонился в поклоне так низко, что его ордена звякнули. — Ваше присутствие — благословение для этого дома.

— Оставьте лесть для проповедей, губернатор, — ответил я, одаряя его своей самой «архиепископской» улыбкой — той, от которой у людей обычно холодеет в животе. — Лучше скажите, не планируете ли вы снизить пошлины на ввоз сукна? Церковные мануфактуры крайне заинтересованы в... оптимизации издержек.

Губернатор заикнулся, его щеки задрожали. Я прошел мимо, не дожидаясь ответа. Игнатий следовал за мной тенью, нашептывая имена тех, кто кланялся слишком низко, и тех, кто пытался спрятать глаза.

Я чувствовал себя как на минном поле, где каждая мина — это чей-то долг, чья-то интрига или чья-то надежда на протекцию. Я шел сквозь зал, кивая налево и направо, но мой мозг работал в режиме сканера. Я искал.

Сам не зная зачем, я выискивал в этой пестрой толпе один-единственный силуэт.

«Она должна быть здесь», — билась мысль. — «Роланд не упустит шанса вывести её в свет, чтобы доказать всем, что он всё еще хозяин положения».

Я встал у высокого окна, надеясь поймать струю прохладного воздуха. Огромный зал гудел, как неисправный трансформатор. Шепотки, смех, звон бокалов — всё это сливалось в нестройный шум, от которого начинала ныть голова.

И вдруг...

Звук прорезал толпу. Он не был громким. Напротив, он был сухим и холодным, как треск ломающегося льда.

— Милорд, ваше мнение о моих обязанностях меняется так же часто, как ваши фаворитки. Я предпочитаю придерживаться указов Церкви. Они, в отличие от вас, стабильны.

Меня словно ударило током под напряжением в десять тысяч вольт. Этот голос. Этот тембр — низкий, вибрирующий, в котором теперь вместо слез звенел металл.

Я медленно обернулся.

В десяти шагах от меня, в кругу разодетых дам, похожих на экзотических птиц, стояла она.

Элинор.

В моей голове моментально сопоставились все данные: рост, поворот головы, запах лаванды, который я теперь узнал бы из тысячи. Но образ из исповедальни — хрупкий, надломленный, невидимый — не шел ни в какое сравнение с реальностью.

Она была в темно-синем бархате. Глухой ворот, длинные рукава, ни единого украшения, кроме жемчужных серег. На фоне дам в глубоких декольте и сверкающих камнях она выглядела как черная дыра, затягивающая в себя всё внимание. Но это была не пустота. Это была мощь. Королевская осанка, высоко поднятый подбородок и взгляд — Боже, этот взгляд! — в нем была такая ледяная дистанция, что люди вокруг невольно отступали на полшага.

Я смотрел на неё, и мой внутренний кризис-менеджер вопил от восторга. Она усвоила урок. Она не просто «выжила», она провела ребрендинг всей своей сущности.

И тут появился он.

Лорд Роланд.

Я узнал его по досье — светлые волосы, порочное лицо, которое сейчас выглядело помятым и злым. Вчерашний «удар» по мануфактуре явно лишил его сна. Он подошел к Элинор сзади, и я увидел, как его пальцы вцепились в её локоть. Это не было движением заботливого мужа. Это был захват конвоира.

— Ты ведешь себя слишком вызывающе, Элинор, — прошипел он, и хотя я стоял далеко, я видел, как дернулась его челюсть. — Вернись к гостям и улыбайся. Ты позоришь меня своей каменной рожей.

Элинор не шелохнулась. Она даже не посмотрела на него. Её взгляд оставался направленным вперед, на губернатора, но я видел, как побелели её пальцы, сжимавшие маленький веер.

— Я улыбаюсь, Роланд, — ответила она тихо, так, что слышал только он... и я. — Разве ты не видишь? Это улыбка женщины, которая только что видела, как твое влияние тает вместе с твоими счетами.

Роланд дернул её за руку. Сильно. Грубо. Окружающие начали оборачиваться, в зале повисла неловкая пауза. Он наклонился к её уху, и его лицо исказилось в гримасе бессильной ярости.

— Заткнись, — выдохнул он. — Ты пойдешь со мной сейчас же, и мы обсудим твою «покорность» в более подходящем месте.

В этот момент во мне проснулось что-то такое, чего я не испытывал даже во время самых жестких рейдерских захватов. Это не был гнев Архиепископа. Это был древний, хриплый инстинкт собственности, помноженный на современную ярость человека, который не терпит физического абьюза.

В моей голове словно щелкнул тумблер.

«Это моё», — прорычало подсознание. — «Мой проект. Моя женщина. Моя территория».

Я двинулся вперед. Тяжелая мантия зашуршала по паркету, привлекая внимание. Люди расступались еще стремительнее, чувствуя, как от меня во все стороны расходятся волны ледяного бешенства.

— Лорд Роланд, — мой голос прозвучал как удар колокола, заставив всех присутствующих замереть на месте.

Роланд вздрогнул. Его рука, всё еще сжимавшая локоть Элинора, разжалась сама собой. Он обернулся, его лицо моментально приобрело подобострастное выражение, но в глазах плескался страх.

— Ваше... Ваше Высокопреосвященство, — он попытался поклониться, не отпуская Элинора полностью.

Я остановился в двух шагах от них. Я был выше Роланда, а в своей мантии казался огромным, неотвратимым утесом. Я не смотрел на него. Весь мой мир сузился до бледного лица женщины в синем бархате.

Элинора подняла голову.

Это был момент истины. В её глазах — тех самых глазах, которые я представлял в темноте исповедальни, — я увидел узнавание. Она не знала моего лица, но она узнала взгляд. Она узнала ту самую силу, которая дала ей опору.

На секунду между нами натянулась невидимая нить. Я видел тонкую сеточку вен на её висках, видел, как дрожат её ресницы. И я видел её подбородок — он был поднят так, как я ей приказал.

— Кажется, вы забываетесь, милорд, — произнес я, переводя взгляд на Роланда. Мой голос был тихим, но его слышали в самом дальнем углу зала. — Руки, которыми касаются благочестивой супруги, находящейся под особым покровительством Церкви, должны быть чисты. А ваши... ваши по локоть в долгах и несправедных делах.

Роланд побледнел настолько, что стал похож на покойника. Его губы задрожали.

— Монсеньор, я всего лишь... мы как раз собирались...

— Вы собирались засвидетельствовать мне почтение, лорд Роланд, — отрезал я, делая шаг вперед, вторгаясь в его личное пространство. — И вы сделаете это сейчас. При всем честном народе.

Я видел, как Элинора едва заметно выдохнула. Она стояла рядом, хрупкая и стальная одновременно.

Я осознал это с пугающей ясностью: женщина, ради которой я был готов сейчас разрушить карьеру любого присутствующего в этом зале, ради которой я за неделю перевернул вверх дном церковную бухгалтерию — эта женщина была чужой женой.

И её муж стоял прямо предо мной, потя от ужаса.

Но я не был Кассианом. Я был Максом. И в моем мире, если актив был ценным, я просто забирал его себе. Без молитв и без жалости.

— Идемте, Роланд, — я хищно улыбнулся, не сводя глаз с Элинора. — Нам есть что обсудить. И ваша супруга нам в этом... поможет.

Я чувствовал, как рубин на моем пальце пульсирует в ритме моего сердца. Игра официально перешла в открытую фазу. И я не собирался оставлять пленных.

Глава 11

Пальцы Роланда, еще мгновение назад впивавшиеся в мой локоть калечащей хваткой, безвольно разжались. Я кожей почувствовала, как его уверенность — та самая, наглая, мужская, подкрепленная годами безнаказанности — испарилась, оставив после себя лишь липкий страх.

В зале повисла такая тишина, что было слышно, как оплавляется воск в тяжелых бронзовых люстрах. Сотни глаз усталились на нас, но я видела только его.

Архиепископ Кассиан.

Он стоял так близко, что я видела каждую золотую нить на его мантии. Он казался огромным, неестественно монументальным, словно в этот душный, пропахший пудрой и лицемерием зал вошел сам Гнев Божий. Но не тот, из писаний — благодостный и справедливый, а другой. Холодный. Расчетливый. Древний.

— Кажется, вы забываетесь, милорд, — произнес он.

Этот голос.

Звук его баритона прошил меня насквозь, заставив кости вибрировать. Это не было галлюцинацией. Это не было совпадением. Низкий, с легкой хрипотцой, вибрирующий в самой груди — это был голос из темноты исповедальни. Голос человека, который учил меня строить «Каменную Стену». Человека, который обещал мне, что Роланд заплатит по счетам.

У меня подкосились ноги. Воздух в зале вдруг стал густым, как патока. В голове зашумело: «В этой кабинке нет бога, Элинора. Здесь есть только я».

Я смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Его лицо — резкое, хищное, с глазами цвета предштормового моря — было лишено всякого милосердия. Он не смотрел на Роланда. Весь его мир, казалось, сузился до меня одной. И в этом взгляде я прочитала всё: и узнавание, и одобрение моей новой осанки, и нечто пугающе темное, чего не должно быть в глазах священника.

— Ваше... Ваше Высокопреосвященство, — Роланд попытался выдавить из себя улыбку, но она больше походила на судорогу. — Простите... мы не ожидали... Для нашего дома огромная честь...

— Честь нужно заслуживать, лорд Роланд, — отрезал Архиепископ, делая шаг вперед.

Роланд инстинктивно отступил, увлекая меня за собой, но Кассиан не позволил. Он поднял руку — ту самую, с массивным рубиновым перстнем, — и это движение было подобно удару меча.

— Мы прослышали, что в вашем поместье началось «духовное очищение», — Кассиан произнес это с едва уловимой издевкой, которую уловили только мы трое. — Священный Залог требует внимания. Вы пришли засвидетельствовать почтение Церкви?

Роланд сглотнул так громко, что это услышали в первых рядах гостей. Он понимал, что сейчас на него смотрит весь свет города. Любое неверное слово — и его репутация, и так трещащая по швам после моего «аудита», будет растоптана в пыль.

— Разумеется, монсеньор! — Роланд засуетился, его голос сорвался на подобострастный фальцет. — Мы с супругой как раз шли к вам. Элинора, что ты стоишь? Склонись перед Его Высокопреосвященством!

Он грубо подтолкнул меня вперед, пытаясь использовать меня как щит, как способ отвлечь внимание от собственного позора.

Но Кассиан даже не взглянул на него. Его внимание было приковано ко мне.

— Сначала вы, милорд, — голос Архиепископа стал тихим и опасным, как рык зверя перед прыжком. — Склоните колено. Покаяние начинается с главы дома. Особенно когда эта глава так... запуталась в своих мирских долгах.

Зал ахнул. Преклонить колено посреди раута, перед всеми — это было публичным унижением. Роланд покраснел так, что казалось, его сейчас хватит удар. Он перевел взгляд на губернатора, на других лордов, ища поддержки, но все отвернулись. Никто не хотел идти против человека, который за неделю уволил половину Синода.

С тихим, скрежещущим звуком Роланд опустился на одно колено. Его породистое лицо исказилось от бессильной ярости, но он склонил голову, глядя в паркет.

— Ниже, Роланд, — прошептал Кассиан, и я увидела, как его губы тронула холодная усмешка хищника, поймавшего добычу. — Настоящее смирение не терпит полумер.

Я стояла рядом, чувствуя, как внутри меня что-то ликует. Это было жестоко. Это было неправильно. Но это было так справедливо, что мне хотелось смеяться в голос. Роланд, который считал себя богом в нашем доме, теперь сам был прахом у ног другого человека.

Кассиан держал его в таком положении добрую минуту. Тишина в зале стала невыносимой. Аристократы переглядывались, шептались за веерами. Это был урок для всех: правила изменились.

— Достаточно, — наконец произнес Кассиан. Он повернулся ко мне, и его выражение лица мгновенно изменилось. Холод остался, но в нем появилось что-то... горячее. — Теперь вы, леди Элинор.

Роланд поднялся, отряхивая колени, его глаза горели ненавистью, но он молчал. Он подтолкнул меня к руке Архиепископа.

— Целуй кольцо, — прошипел он мне на ухо. — Живее!

Я сделала шаг вперед. Мир вокруг перестал существовать. Не было шепотов, не было музыки, не было губернатора. Был только он.

Я почувствовала запах. Не ладан, не воск. Сандал. Тонкий, дорогой, горьковатый аромат, который теперь навсегда ассоциировался у меня с надеждой и спасением. Он исходил от его кожи, от его тяжелых одежд.

Я начала медленно опускаться в глубоком реверансе. Мои колени дрожали, сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Я видела его руку — крупную, мужскую, с длинными, сильными пальцами. Тот самый рубин на безымянном пальце вспыхнул злым, алым пламенем в свете люстр.

Я знала этот рубин. Я видела его в темноте исповедальни.

Я наклонилась, собираясь коснуться губами холодного золота перстня. Это был секундный ритуал, формальность, которую я совершала сотни раз с другими священниками.

Но в тот миг, когда мои губы почти коснулись камня, Кассиан сделал нечто невероятное.

Его рука не осталась неподвижной. Он едва заметно, почти неуловимым для толпы движением, сдвинул ладонь. Его большой палец — горячий, жесткий, пахнувший сандалом — медленно и намеренно скользнул по моей нижней губе, на мгновение прижимаясь к ней.

Мир взорвался.

По моему телу прошел такой мощный электрический разряд, что у меня перехватило дыхание. Это не было благословением. Это было клеймо. Публичное, дерзкое и абсолютно греховное присвоение. Он не просто коснулся меня — он попробовал меня на вкус, прямо здесь, на глазах у моего мужа и всего города.

Я замерла в полупоклоне, боясь поднять голову. Его большой палец задержался на моей губе еще на долю секунды, вызывая обжигающую искру в самом низу живота. Запретное, пугающее чувство, которое я никогда не испытывала с Роландом.

— Идите с миром, Элинор, — произнес он. Его голос вибрировал у самого моего уха, обжигая кожу. — И помните: Каменная Стена защищает только тех, кто умеет хранить тайны.

Я подняла голову, задыхаясь.

Его глаза — цвета зимнего шторма — смотрели на меня с такой откровенной, не скрытой рясой жадой, что у меня потемнело в глазах. В них не было бога. В них был мужчина, который только что объявил на меня свои права.

Я отступила на шаг, едва не споткнувшись о подол собственного платья. Мои губы горели, словно к ним приложили раскаленное железо.

— Пойдем, — Роланд грубо схватил меня за руку, утаскивая прочь. Он был слишком занят своим унижением, чтобы заметить то, что произошло. — Мы уходим. Немедленно.

Он тащил меня сквозь толпу, но я не чувствовала его хватки. Я шла, как во сне, ощущая на губах вкус сандала и тяжесть того невысказанного обещания, которое оставил на них Архиепископ.

На выходе из зала я на мгновение обернулась.

Кассиан стоял на том же месте, окруженный льстецами и чиновниками. Он был выше всех на голову, его золотая мантия сияла, как доспехи. Но он не смотрел на губернатора. Его взгляд провожал меня.

Я коснулась своих губ кончиками пальцев.

Первый блок моей жизни рухнул. Тот самый, в котором я была покорной женой лорда Роланда. Теперь я была частью другой игры. Игрок, который только что коснулся моих губ, был самым могущественным человеком в этом королевстве. И самым опасным.

Я села в карету, и когда дверца захлопнулась, отсекая шум дворца, я поняла одну страшную вещь.

Я больше не боялась Роланда.

Я боялась того, что со мной сделает этот «святой отец», когда мы наконец окажемся без свидетелей и без решеток. И еще сильнее я боялась того, что я сама... этого хочу.

— Домой! — крикнул Роланд кучеру, ударяя тростью по стенке кареты.

Карета дернулась и покатилась в темноту осенней ночи. Я закрыла глаза, чувствуя, как искра, брошенная Кассианом, начинает разгораться внутри меня настоящим пожаром.

Игра официально перешла в фазу, где грех был слаще любого спасения.

Глава 12

Утро после губернаторского раута ворвалось в мои покои вместе с резким запахом уксуса и холодной воды. Служанки сустились, раздвигая шторы, а я сидела на краю постели, глядя в пустоту. Мои пальцы, словно живя собственной жизнью, то и дело возвращались к нижней губе. Кожа там всё еще горела, хотя ледяной компресс, приложенный Лизой на рассвете, должен был давно унять этот жар.

Это не была боль. Это было клеймо.

Я закрыла глаза, и перед внутренним взором мгновенно вспыхнуло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.